

КАРТУНОВА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА

Интервью для проекта «Российское китаеведение – устная история»

Interview with Anastasia I. Kartunova
“Russian Sinology – Oral History” Project

Картунова Анастасия Ивановна (АК) Китаевед, д.и.н., главный научный сотрудник, ИДВ РАН Место: Москва, РФ Дата: 23-25 июня 2015 Вёл интервью: А.В. Виноградов (АВ), д.полит. н., ИДВ РАН Примечания: А.В. Виноградов, В.Ц. Головачёв, А.И. Кобзев Продолжительность: 5 часов	Anastasia I. Kartunova Sinologist, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies (IFES RAS) Place: Moscow, Russia Date: June 23-25, 2015 Hosted by: Andrey V. Vinogradov (IFES RAS) Footnotes: Andrey V. Vinogradov, Valentin Ts. Golovachev, Artyom I. Kobzev Duration: 5 hours
--	--

Картунова Анастасия Ивановна (31.01.1924–23.02.2020). Китаевед, доктор исторических наук (1981). Окончила МИВ (1947), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1956–1960). Научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1960–1991), Института Дальнего Востока РАН (с 1992). Главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Специалист по новейшей истории Китая, истории КПК и истории советско-китайских отношений.

АВ: Анастасия Ивановна, расскажите, пожалуйста, о вашем детстве, где вы родились, ваши самые первые шаги в жизни?

АК: Родилась в селе Русская Журавка. По моим воспоминаниям, это было большое село. В его центре – православный храм. В него приходили молиться люди не только села, но и ближних деревень. Поэтому Журавка была как бы центральной в регионе. Там же, в центре села, находились школа, лавка. Так что на этом месте встречались люди, общались, обменивались новостями.

АВ: Школа была до какого класса?

АК: Изначально школа была рассчитана на четырёхклассное обучение. Позже, с начала 1930-х годов, оно стало семиклассным, а затем, возможно, и десятиклассным, о последнем точно не могу сказать.

АВ: Какая это область? Какой район?

АК: Русская Журавка – в Воронежской области, Верхне-Мамонском районе. Это село славилось ещё тем, что с его обочины начинался лес. За лесом – поля, распростершиеся до самого горизонта. Лес от полей отделяла небольшая речка, а уже за полями возвышались белые горы – это натуральные меловые горы. Земля в Воронежской области прекрасная, плодородная, лучшая во всей средней полосе России. Мне потом рассказывали односельчане, что во время войны, когда фашистская орда заняла Воронежскую область, гитлеровские фашисты снимали верхний слой чернозёма и отправляли его эшелонами в Германию. В этом селе я жила до четырёх лет с мамой, отцом и старшими сестрой и братом. Потом приезжала туда в голодный год, с 1931 на 1932, когда мне было уже семь лет.

Мой отец, Картунов Иван Дмитриевич, человек с врождённым хорошим умом и мастер на все руки, в 1928 г. поехал в Ташкент на заработки. Устроившись на работу, поступил в строительный техникум на вечернее отделение. Заработав за несколько месяцев необходимые деньги, вернулся домой, чтобы забрать семью в Ташкент на постоянное место жительства. Там он снял в старом городе типичный узбекский дом с плоской крышей, огороженный глинобитным забором (дувалом). Дом состоял из одной большой комнаты, наверно, площадью метров 25, и примерно такой же площади открытой террасы. Два дерева во дворе – орешник и урюковое.

Разумеется, никаких удобств. Рядом – река Бозсу, которая протекала через весь город. За рекой – два узбекских кладбища.

Ребятишки как-то быстро знакомятся. Узбекские мальчишки из соседних домов выходили на улицу и с увлечением и азартом играли в «лянгугу» и «ашички»¹. Мой брат очень быстро освоил эти игры и влился в их компанию. А я всё это наблюдала. Постепенно мы стали запоминать узбекские слова, потом выражения. Это было первое знакомство с языком другого народа.

Мы прожили в Старом городе² всего года полтора-два. Отец уже окончил техникум и получил диплом техника-строителя, сформировал большую бригаду рабочих, на которую был большой спрос. Вскоре наша семья переехала в Новый город. Жизнь в Ташкенте в 1928-1942 годах – это большой и важный период моей жизни и учёбы.

АВ: Вы сказали, что возвращались к себе на родину в 1931 году.

АК: В 1931–1932 году в Ташкенте был страшный голод, от которого страдало население многих регионов Советского Союза. К тому же в Ташкенте зима с 1931 на 1932 год была очень холодной, большая редкость для Узбекистана, и многие сотни жителей города погибли от голода и холода. В 1931 г. наши родители решили, что мы трое – наша дорогая и любимая мама, мой брат и я – поедем в Журавку, подальше, как им казалось, от голодавшего Ташкента, а также чтобы воспользоваться услугами в то время широко известной в нашем родном селе знахарки, которая лечила сельчан от всех болезней травами. У брата после травмы ноги, полученной во время игры в футбол, нога стала «сохнуть», и ташкентские врачи не смогли ничем помочь. По приезде в Журавку мы остановились у тётушки

---

¹ Лянга – волан, изготовленный из лоскутка козьей или овечьей шкуры с пришитой к нему свинцовой «пуговицей» диаметром 2 см и толщиной около 3 мм, предназначенный для одноимённой подростковой дворовой игры, распространённой в странах Центральной Азии, куда она попала из Урумчи и Кашгара. Ашички – узбекская азартная игра. Ашичка – это кость из коленного сустава задней ноги барана. По другой версии – надкопытная кость.

² Ташкент – столица Узбекистана. В старой части города, которую так и именуют – Старый город, находятся жилые дома конца XIX в. и средневековые памятники архитектуры. Это северо-западная часть Ташкента, где город располагался до образования Туркестанского генерал-губернаторства (1865). Название «Старый город» возникло после того как российские власти начали строить Новый город. Границей между Старым и Новым городом стал канал Анхор.

Саши, Александры Дмитриевны, родной сестры нашего отца, которая не сетовала на тесноту, и жили мы в её хате дружно, играли с её дочкой Маней. Но и в Журавке было также голодно, как в Ташкенте. Мама решила пуститься в путь в поисках работы, взяла и меня с собой. Мама на всякий случай запаслась тляпкой, одним из рабочих инструментов в сельском хозяйстве, и собрала некоторые мелкие принадлежности летней одежды, которые имелось в виду, при случае, обменять, например, на картошку. Шли мы долго пешком, часть пути ехали на подводе. В одном месте, где шла пора летних работ, маму приняли на работу. Денег не платили, но нас с мамой кормили и выделили место для ночлега. Спасибо и за то. Осенью, к началу учебного года, мы вернулись домой.

Я хотела бы сказать о Ташкенте особо, хотя бы коротко. Это благодатный край. Там яркое солнце, возможно, не менее 330 дней в году. Узбеки собирали высокие урожаи фруктов, овощей, арбузов, дынь. На базарах города всё это стоило копейки. Всё сельское хозяйство в Средней Азии – орошаемое. Узбеки – народ гостеприимный, как и русские. Не припомню, чтобы были какие-либо конфликты на национальной почве. Происходил взаимный обмен культур начиная с бытового уровня.

Ещё я хотела бы сказать, что в Ташкенте была заметная прослойка старой интеллигенции, проживавшей там ещё с дореволюционных времён. Это преподаватели школ и институтов, музыканты, медики, артисты и др. В городе было два театра: оперный и драматический, а также свои местные писатели. После Октябрьской революции 1917 года осталось довольно много семей бывших царских офицеров. В нашем дворе, где проживали 24 семьи, были семьи врача, бухгалтера, преподавательница высшей математики в САГУ³, преподавательница музыки. Как в школе, так и в институте студенческая среда являла собой интернациональное сообщество: русские, узбеки, евреи, татары, украинцы и другие, и не имело значения, кто какой национальности. Было много смешанных браков. Мы изучали узбекский язык как в школе, так и в институте. Это был обязательный предмет. Так

---

³ САГУ – Среднеазиатский государственный университет – название основанного в 19290 г. Ташкентского университета в 1923-1960 гг.

что русская молодежь вполне могла объясняться с узбеками на их языке. В общем-то, среда была вполне благоприятная в то время, что касается национального вопроса.

Но когда я приехала в Ташкент на похороны своей сестры в 1991 году – это была совсем другая обстановка. Бытовой махровый национализм, неприязнь к России доходили просто до безобразия. Теперь обстановка как будто изменилась к лучшему.

После переезда нашей семьи в Новый город мы жили в очень удобном месте, на тихой улочке Демьяна Бедного, почти в самом центре города. Метрах в 100–150 от нашего дома находилась Республиканская библиотека Узбекистана им. Алишера Навои с богатым фондом книг на русском и узбекском, а также рукописями на фарси и арабском языках. В советский период она пополнялась всеми лучшими изданиями, выходящими в свет в Москве и Ленинграде. Совсем близко находился дворец пионеров, расположившийся в роскошном здании, построенном в 1891 г. для великого князя Николая Константиновича, внука Николая I. Когда мы уже жили в Ташкенте, в основном здании этого дворца располагался дворец пионеров и школьников со множеством кружков. Мой брат, например, занимался в авиамodelьном кружке. Его увлечение было столь велико, что в результате он стал лётчиком. Я занималась в последних классах (с 7 по 10-й) спортом.

АВ: Каким видом спорта вы занимались?

АК: Спортивной гимнастикой в спортшколе Городского отдела народного образования, а летом – лёгкой атлетикой. Несмотря на неплохое в целом здоровье, каждую зиму я болела малярией. Это одна из разновидностей тропической лихорадки. Тяжёлое заболевание лечили только таблетками хинина.

АВ: Вы заболели малярией в Ташкенте? Сколько было лет?

АК: Впервые заболела, как помню, в 13 лет, и эта болезнь мучила меня до 18, когда я уехала из Ташкента. Источник заболевания был неизвестен. Разносчиками болезни как будто были комары. Не меньшим бичом в Ташкенте являлась дизентерия. Из-за несоблюдения гигиенических норм (дети часто ели фрукты

немытыми) и отсутствия канализации этой болезнью летом болели чуть ли не все дети и подростки.

Я бы хотела вернуться к своим увлечениям в годы учёбы в школе. Главными из них были литература и история.

АВ: Был ли какой-то толчок к тому, чтобы вашим увлечением стала литература, история, или это получилось как-то естественно, и вы даже не зафиксировали этот момент?

АК: Дома у нас было десяток-два книг художественной литературы. Из любви к ней, примерно с 7-го класса, я стала комплектовать домашнюю библиотеку. Отец поощрял моё увлечение. В то же время я стала ходить в Республиканскую библиотеку, где открыла для себя такие богатства, о которых до этого и не слышала: вся русская классика, в переводах на русский множество книг западной литературы – французской, немецкой, английской, лучшие произведения советских писателей, популярные в то время журналы, издававшиеся в Москве, научная фантастика. Оттуда – всё, что у меня осталось от знакомства с художественной литературой, потом этот капитал остался на всю жизнь. Кроме того, я всегда участвовала в литературных диспутах, которые организовывал наш преподаватель литературы Василий Ануфриевич Кудрявцев, выпускник факультета русского языка и литературы Ленинградского университета, для которого, казалось, литература была смыслом жизни. Позже, когда я поступила в Московский институт востоковедения, в китайский сектор, никакого времени на чтение художественной литературы не оставалось. И в последующем также читала что-то новое лишь изредка, когда находилась в больнице или в санатории.

Что касается увлечения историей в те годы, то здесь было по меньшей мере два обстоятельства. Первое из них – опять же, художественная литература. Высокая литература, как правило, помимо основной линии, отражает дух времени и исторические события определённого периода. Меня это подталкивало иногда к более полному знакомству с упоминавшимися в романах некоторыми историческими событиями, и я искала сведения о них в исторической литературе. И второе: преподаватель истории, который работал в школе всего два года, заметив

мой интерес к его предмету, приносил мне читать некоторые книги по истории, не входившие в программу школы, а особенно, как помню, книжки с описанием эпизодов и событий из античной истории, которые я читала с большим интересом. Кроме того, во второй половине 1930-х годов в Москве стала издаваться серия исторических научно-публицистических романов, посвящённых ярким страницам истории России. Все это поступало и в ташкентскую библиотеку, и я читала не пропуская новых выпусков.

АВ: Когда вы пришли в школу, кто там учился – русские, узбеки? Была ли школа интернациональной?

АК: В Ташкенте были школы узбекские, русские (причём в последних училось заметное количество узбеков) и большая татарская. Все мы – моя старшая сестра, брат и я, учились в русской школе №7 им. КИМ⁴. Она славилась квалифицированным составом преподавателей, её авторитетным директором, достижениями школьников в некоторых видах спорта, а главное – почти все выпускники нашей школы успешно сдавали вступительные экзамены в ВУЗы. Эту школу иначе не назвать – интернациональная школа. Например, в нашем классе учились русские, евреи, украинцы, несколько татар, белоруска и одна узбечка – Муся Ходжаева, самая интеллигентная девочка в классе. Однажды, это было в 8-ом классе, она пригласила меня к себе домой. Особых отношений у нас как будто и не было. Сидим мы за низким восточным столиком, пьём чай с лепёшкой, вымытыми изюмом и курагой, грецкими орехами. А я во время нашего разговора смотрела на их библиотеку: целая большая стена уставлена шкафами с книгами. Среди прочих обращало на себя внимание многотомное издание в кожаном переплете с золотым тиснением. Это было 12-ти томное полное собрание сочинений Шекспира в переводе на русский. Муся пояснила, что, по совету отца (кем был её отец – не знаю), она читает Шекспира подряд, начиная с первого тома, а теперь уже завершает чтение 3-го тома. Её русский язык был безупречен. К сожалению, не знаю, как сложилась её судьба.

---

⁴ КИМ – Коммунистический интернационал молодёжи. С 1919 по 1943 гг. – международная молодёжная организация, секция Коминтерна.

В школе я училась с большим интересом. До школы представление о мире ограничивалось большой географической картой двух загадочных полушарий, которая висела на стене. Отец, человек любознательный, часто обращался к карте, искал места, где происходили какие-либо важные события.

В то время в августе каждого года по домам ходили определённые лица – возможно, работники районных отделов народного образования и старшеклассники школ, которые переписывали всех детей, кому было уже 8 лет, чтобы готовились идти в школу. Школьное образование было обязательным. Меня не записали, так как мне не было ещё 8 лет, а должно было исполниться только через 5 месяцев. Но 1-го сентября я пришла в школу со всеми необходимыми принадлежностями – учебники, тетради, карандаши, ручка с металлическим пером, чернильница-непроливайка. Уже звонок прозвенел, а я не знаю, куда мне идти. Но всё обошлось благополучно, директор уговорил учительницу одного из пяти первых классов взять меня в её класс. Всё, чему учили нас в школе, мне было интересно. Училась хорошо. У меня по всем предметам с 1-го по 10-й класс была устойчивая оценка – «отлично». Предметами по естественным наукам не увлекалась. Тригонометрию я не понимала, но могла решать задачи. Физику не понимала, но решала задачи и отвечала на вопросы. Из этих предметов у меня были успехи только по геометрии.

АВ: Когда и как вы сделали выбор своей будущей профессии?

АК: Конечно, в последних классах речь шла о выборе профессии. Мои старшие сестра и брат сразу определились. Сестра Мария, старшая моя добрая подруга, в 8-м классе окончила курсы медсестер и уже работала летом в пионерских лагерях медсестрой. О брате говорить нечего, он решил, что будет только лётчиком. И вот, когда я была в 10-м классе, Василий приехал в отпуск. Мы разговорились о том, о сём. Я сказала: «Вот ты будешь летать, а я буду строить для тебя самолёты. Поеду в Москву поступать в МАИ⁵!» – «Вот это здорово!», – с восторгом ответил он. В общем-то, это был мимолётный, непродуманный разговор, просто как бы шутливая

---

⁵ МАИ – Московский авиационный институт. Основан в 1930 г.

фраза. Но потом я стала часто возвращаться ней и подумывала по окончании школы поступать в МАИ.

АВ: Когда вы говорили, что будете строить самолёты, не было ощущения, что вы изменяете себе? Ведь вам больше всего нравились история и литература, а физику и тригонометрию вы не понимали и не имели особой склонности к естественным наукам.

АК: Сейчас я вам расскажу. Время идёт быстро. 21 июня 1941 г. мы отпраздновали день окончания школы, получили аттестаты, а 22 июня – великая беда ... Война! В тот день примерно в 9 утра все ученики нашего 10 «А» пришли в школу. Я помню, мы вошли в химический кабинет с длинными чёрными столами для опытов и уселись на эти столы. Сидим молча, долго сидели. Потом кто-то из ребят сказал: «Надо идти в военкомат». И опять молчание, тишина. Прошло несколько минут, потом другой говорит: «Война быстро кончится! Красная Армия покажет этим фашистам!». И опять молчание. Вот так мы просидели, промолчали, потом встали и пошли по домам. Вышли мы из школы как-то сразу повзрослев. Конечно, планы ехать учиться в Москву не сбылись. До этого, в мае, как-то пригласил меня директор школы и сказал, что из ГОРОНО звонила женщина, назвал её фамилию имя и отчество, и что она просила, чтобы я позвонила по такому-то номеру телефона. Но у нас не было дома телефона. «Хорошо, – заключил директор, – сейчас я наберу этот номер и передам тебе трубку». Поднял трубку Дунаев (к сожалению, имени и отчества этого человека не помню). Не знаю, какой он занимал пост, но, возможно это был, начальник горотдела наркомата образования Узбекистана. Из трубки я услышала: «Настя! Да-да-да, это я, Дунаев! Ну, как ваши дела, как в школе?». Я ответила, что до окончания школы остался один месяц. «Вы не могли бы зайти ко мне?» – продолжил Дунаев. Уже кончились уроки, и я сказала, что могу зайти. Он дал мне адрес, сказал, какой этаж и номер кабинета. Я к нему явилась. Так вот, робко постучала, приоткрыла дверь, а он говорит: «А, Настя, заходите-заходите!». Это был первый человек в моей жизни, который разговаривал со мной на вы. Дунаев попросил меня присесть. «Да, я знаю, у вас действительно и в школе, и в спорте, всё более чем успешно». Обычный такой

разговор. А потом перешли к интересной беседе о литературе. Говорили о Л.Н. Толстом, главным образом о его гениальном романе «Война и мир». Он задавал мне некоторые вопросы: как я то-то оцениваю в этом романе, о таком-то эпизоде, о персонаже, и другие. Потом о Пушкине. В то время среди молодёжи был очень популярен Маяковский, и мы довольно долго говорили о его творчестве, о постоянных спорах вокруг его творчества и личности. Кажется, всех перечислили. Беседа продолжалась довольно долго. Потом он спросил о моём отношении к творчеству А.П. Чехова. И тут я выдала «шедевр»: «Вы знаете, для меня очевидно, и всем известно, что Чехов – выдающийся мастер короткого рассказа. Я читала его рассказы, и это, бесспорно, так и есть. Но, самое главное, что все знают его судьбу и его пьесы, и что есть у Чехова один роман. С творчеством Чехова я, конечно, знакома. Но, знаете, меня это как-то ни на что не вдохновляет». Дунаев помолчал. Я в это время ругала себя за последнюю фразу. Наверное, секунд 10-15 молчал, а потом сказал: «Дело в том, что даже специалисты по творчеству Чехова расходятся в оценке некоторых его произведений, в том числе и пьес». Довольно долго говорили о Ф.Д. Достоевском. Из Достоевского я всё прочитала, что имелось в библиотеке. Он спросил про «Подростка» и о крупных произведениях Достоевского. А в заключение уверенно сказал: «Ну вот что, Настя, Вам надо ехать в Москву – поступать в МИФЛИ⁶». А я даже не слышала о таком ВУЗе. Он правильно понял меня и пояснил, что это Московский институт философии и литературы: «Это тот институт, в который вам следует поступить». А я сказала о своём намерении поступать в МАИ, что мой брат – лётчик, а я буду строить для него самолёты. На это он твёрдо возразил: «Никаких самолётов! Как только получите аттестат, приходите ко мне. В МИФЛИ есть один профессор, мой большой друг, я напишу ему о вас развернутую характеристику. У вас аттестат отличника (в то время ещё не было золотых медалей, просто аттестат) – вот вы и поедете только туда!». Я вышла от Дунаева в каком-то смятении. Какой МИФЛИ?! Как-то я была настолько расстроена и обескуражена всем этим, что всю дорогу до

---

⁶ МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории. Гуманитарный вуз университетского типа, в 1931 г. выделенный из МГУ и опять слитый с ним в 1941 г.

дома находилась в полной растерянности. Но когда началась война, то тут уже стало ясно, что ни в МИФЛИ, ни в МАИ я не поеду. Моя сестра была на 5-м курсе мединститута, в Ташкенте уже формировались военные госпитали. В конце сентября или в октябре 1941 г. её сняли с занятий и направили работать в военный тифозный госпиталь, где она и проработала до сентября 1945 года. Я очень хотела пойти на курсы радистов и попроситься на фронт. Сказала об этом родителям. Отец возразил: «Ну, Василий каждый день, наверное, вылетает бомбить фашистов и всякий раз не знает, вернётся или нет. Марии нет дома сутками». В то время катастрофически не хватало врачей.

АВ: Это был август?

АК: Да. До конца августа я никуда не поступала. Наверное, где-то в подсознании теплилась надежда, что война вот-вот кончится, и я поеду учиться в Москву. Но уже начался третий месяц, как шли ожесточённые бои всех наших вооружённых сил против сильного фашистского агрессора, и становилось ясно, что путь к нашей победе будет долгим и трудным. Значит, нужно о поездке в Москву забыть и поступать учиться здесь, в Ташкенте. И тут я вспомнила, что в Ташкентском пединституте есть исторический факультет. Вот туда пока что я и пойду учиться! Пришли мои школьные подруги Вера Гущина и Туся Семиротенко. Они успешно сдали вступительные экзамены и уже зачислены студентками текстильного института. А я призналась им, что никуда не поступала. Два дня осталось до начала учебного года. Мы втроём пришли в пединститут. Я пошла в приёмную комиссию и сказала, что хотела бы подать заявление на истфак. Ответ был отрицательным: приём давно окончен. Вернулась к своим подружкам, и мы сидим втроём. Идёт какой-то мужчина, прошёл мимо нас, потом остановился, подошёл к нам, спрашивает: «Что это вы тут сидите?» Я сказала, что пришла поступать на истфак, а мест нет. «А ну-ка, дай мне твой аттестат!», – посмотрел и говорит: «Подождите! Я сейчас зайду в приёмную комиссию». Оказывается, это был завкафедрой узбекского

языка и заместитель директора института *В. Решетов*⁷, большой знаток узбекского языка, русский. Через некоторое время возвращается и сообщает, что с истфаком ничего не получается, но можно зачислить меня на факультет русского языка и литературы. Я согласилась. Отступать было некуда – через два дня начало учебного года. «Но у нас исчерпан лимит стипендий, – добавил он. – Мы можем зачислить тебя до конца первого семестра без стипендии».

В то время была массовая эвакуация интеллигенции из Москвы, в том числе многих преподавателей из МГУ и других столичных вузов. На нашем факультете русского языка и литературы были выдающиеся специалисты, например, профессор МГУ Орлов читал курс античной литературы. Он знал наизусть «Илиаду» и «Одиссею» и, помню, с каким наслаждением читал их вслух, от удовольствия закрывая глаза. По языкознанию тоже был крупный специалист из Москвы. Так я стала заниматься. Со 2-го курса у меня появилась подруга Дуня, Евдокия Ивановна. Позже она стала одним из лучших преподавателей китайского языка в Москве, подготовила в ИСАА много выпусков китаистов с хорошим знанием языка.

АВ: Как её фамилия?

АК: Она была известна по первому браку как *Рождественская*, а по второму – *Молчанова*⁸.

АВ: Я тоже у неё учился!

АК: Я правильно говорю, что она прекрасный преподаватель?

АВ: Да, да, да, конечно!

АК: У нас с ней была такая дружба, что даже наши отцы познакомились. То, что я поступила в итоге в Московский институт востоковедения (МИВ), связано с её настойчивостью, и я об этом расскажу. Наверное, это было в октябре. Всех

---

⁷ *Решетов Виктор Васильевич* (1910–1979). Востоковед, тюрколог, д.ф.н. (1952), профессор (1953), академик Академии педагогических наук СССР (1967), заслуженный деятель науки УзССР (1964). В 1931 г. окончил литературно-лингвистическое (тюркологическое) отделение востфака САГУ. В 1929–1959 гг. преподавал в САГУ. В 1935–1959 гг. заведовал кафедрой иностранных языков Ташкентского пединститута.

⁸ *Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна* (1922–2014). Китаевед, преподаватель, переводчик. К.филол.н. (1963), доцент (1974). Окончила МИВ (1947). Преподавала в МИВ (1947–1948, 1950–1954), ИВЯ/ИСАА при МГУ (1956–1986).

студентов Ташкента послали на сбор хлопка. Стране нужно было много хлопка для военной промышленности, и мы около месяца собирали там хлопок. В колхозе нам с утра давали на день лепёшку и чай. Потом, где-то в мае 1942 г., все курсы нашего факультета были отправлены на прорытие Северного Ташкентского канала. Это делалось для расширения площадей под посевы хлопка. Работали мы лопатами и кетменями. Никакой техники не было. Мы проработали там месяц, вернулись на занятия, потом сдали экзамены. Я перешла на 2-й курс, но решила всё-таки перевестись на истфак в университет (САГУ). Там меня готовы были зачислить на 2-й курс, но только при условии, что я досдам ряд предметов. Я согласилась. Меня зачислили на 2-й курс условно, причём со стипендией.

АВ: Вы просто перевелись после 1-го курса в САГУ?

АИ: Да, на исторический факультет. В каникулы в условиях войны не могла просто отдыхать. Поступила на фабрику ГОЗНАК, которая эвакуировалась из Москвы в Ташкент. Меня зачислили на должность «рабочий-браковщик». Задача браковщиков состояла в том, чтобы сверять совпадение цифр в левом верхнем и правом нижнем углах денежных знаков. В цехах – тяжелейший воздух, которым дышишь. Такая вредная краска на денежных знаках, что первое время просто выворачивало всё содержимое желудка, потом привыкаешь. Но нам давали кружку молока в день, что как будто смягчает положение. Работали мы в две смены. Каждые полмесяца получали бутылку хлопкового масла, 1 кг риса, 0,5 кг сахара. Приносила домой и небольшую зарплату.

АВ: Как вы всё же попали на учёбу в МИВ?

АК: Я совсем случайно поступила туда. Где-то в середине июля 1942 г. ко мне приходит Евдокия Ивановна и взволнованно сообщает, что в Пединститут приходили представители Московского института востоковедения. Они просматривали личные дела студентов нашего факультета и сказали ей, чтобы она завтра пришла на беседу. «Пойдём вместе!» – завершила она информацию. «Я же ушла в САГУ, – отвечаю. – Кроме того, у меня есть договоренность в САГУ о встрече с одним преподавателем, который будет меня экзаменовывать, в частности, по истории средних веков». «Ну, как же так!» – возмущалась Дуня. В общем, она

пошла на собеседование, а я пошла по делам в САГУ. В деканате мне сообщили, что приезжал из Ферганы один молодой человек из МИВ и хотел со мною встретиться. Он просматривал личные дела и выбрал пять человек, с которыми хотел бы побеседовать. «А когда?» – спрашиваю. Мне говорят: «Давайте завтра утром». На встречу с нами, как позже выяснилось, пришёл студент 5-го курса японского сектора. Он рассказал об Институте востоковедения, о языках, которые там изучают – японский, китайский, хинди, персидский, турецкий, арабский и другие, перечислил все сектора по странам Востока. Институт сейчас формирует состав абитуриентов на первый курс. Учебный год начинается, как всегда, 1-го сентября. Предложил мне поступить в этот институт. Мой собеседник спросил, на какое отделение я бы хотела поступить. Я не могла сказать ничего определённого. Может быть, изучать хинди? Об Индии я хотя бы знала что-то из литературы. В общем, сказала, что подумаю. А на следующий день утром ко мне пришла Дуня и с радостью сообщила, что она поедет в Фергану, в Институт востоковедения, где будет сдавать экзамены. Аттестат – при ней. А я рассказала Дуне, что у меня тоже состоялся разговор о том же, и что я не знаю, что делать. Я обо всём рассказала родителям. Отец на это посмотрел как-то неопределённо, он просто ничего не сказал. Дуня уехала в Фергану. В августе там шли приёмные экзамены. Я думала, что она поступит без экзаменов, потому что уже перешла на третий курс Пединститута, а там ей, вероятно, предложат поступить на первый курс без экзаменов. Через две недели Дуня прислала телеграмму: «Приезжай, тебя примут». Отец получил телеграмму, когда я была на работе. Придя домой, увидела на столе телеграмму, прочитала, промолчала и пошла в свою комнату. Отец тоже молчит. Уже числа 10–12 сентября вторая телеграмма: «Почему ты не едешь? Я уже с директором договорилась, тебя примут и в сентябре». Я прочитала, отец тоже прочёл.

Была ещё одна основательная причина, по которой я морально не могла решиться уехать в Фергану. С Ленинградского фронта пришла похоронка. Погиб муж моей сестры Шахворостов Сергей Васильевич. Его мобилизовали в Ташкенте в июле 1941 г. В ноябре 1941 г. моя сестра Мария родила дочку – Лиану, которая так

и выросла, не повидав отца. Получив похоронку, отец сказал маме и мне, чтобы Марии её не показывать. «Мало ли случаев, – убеждал он нас, – получают похоронку, а потом оказывается, что этот человек жив». Так и решили ... молчать. С появлением в доме малышки у нашей мамы прибавилось хлопот. Нужна была моя помощь. После занятий в институте я освобождала маму от забот о ребёнке до поздней ночи.

На следующий день по получении телеграммы отец сказал: «Ну что, Настя, мы с мамой поговорили, чувствуем, что ты хочешь поехать. Езжай! Мы сами со всем справимся ...» Где-то во второй половине сентября, может быть, числа 20-го я приехала в Фергану, нашла институт и пошла к директору на собеседование. Директором в то время был профессор *Фесенко*⁹. Когда-то он работал в Синьцзяне. В общем, с Китаем, как мне показалось, он знаком неплохо. Я представилась, сказала, что пришла с истфака. «Очень хорошо, это наш профиль, – был ответ. – Мы тоже изучаем историю каждой страны, по секторам». Потом он сказал, что у меня всё-таки было время подумать, какой страной хотела бы заниматься. Я и ему сказала о своем предположении – изучать Индию и её основной язык – хинди. Директор совершенно определённо сказал, что это невозможно. У нас одна единственная преподавательница, она очень старенькая и больная. Приняла только шесть человек. Это максимум, на что она согласилась. «Что вам Индия?! – продолжал директор. – Вот Китай! Посмотрите, как героически китайцы сражаются с японскими милитаристами, как укрепляются армия Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ! – Именно так сказал Фесенко. – Это великая страна, какие широкие перспективы открываются для специалистов по Китаю!» Что в Китае идёт война сопротивления японским агрессорам – об этом было широко известно. Но в то время мало кто знал, сколько советских военных советников работало в НРА¹⁰. Никто не знал также, сколько советских отборных лётчиков-добровольцев охраняло небо Китая. Так в

---

⁹ *Фесенко Прокопий Ильич* – директор МИВа, ранее находившийся на консульской службе. Автор учебников «История Синь-цзяна» (МИВ, 1935), «Новая история Китая» (МИВ, 1936). См. также: Благовещенский М., Фесенко П., Двадцать лет Московского института востоковедения, в кн.: Труды [Московского] Института востоковедения, сб. 2, М., 1940.

¹⁰ НРА – Национально-революционная армия, вооружённые силы Гоминьдана (1925–1947).

боях крепла дружба народов двух стран – Советского Союза и Китая. Помню в то время популярное двестишьё: «Если надо, Коккинаки долетит до Нагасаки и покажет буераки, где и как зимуют раки». Коккинаки – выдающийся советский лётчик-испытатель, дважды герой Советского Союза. Его имя было известно далеко за пределами нашей Родины. «Поскольку на индийское отделение невозможно, то пойду на китайский сектор», – согласилась я. «Вот и прекрасно! Завтра приступайте к занятиям», – заключил директор. Так было угодно судьбе, а настойчивость Дуни способствовала моему решению поехать в Фергану учиться в Московском институте востоковедения. Спасибо, Дуня!

Китаеведение стало моей профессией, и увлечение своей юности – тягу к изучению истории я не предала. Но всё это было потом, когда стала заниматься историей Китая.

На следующий день я явилась на занятия. Перед уроком все они так быстро болтали по-китайски, что я подумала: никогда их не догоню!

АВ: Они – это кто?

АК: Это девушки-студентки. Меня привели в группу, где были одни девушки, шесть человек. Как потом оказалось, это были короткие простейшие фразы. С самого начала учёбы китайского языка было по 16 часов в неделю. Разговорный язык вёл весёлый молодой китаец, которого все называли Ли тунчжи (букв.: товарищ Ли – ред.). Он разговаривал с нами только по-китайски. Тогда мы изучали китайский без тонов. Просто, как слышишь от преподавателей, так и стараешься воспроизвести. Каждую неделю писали контрольную работу по китайскому языку по пройденному за неделю материалу, а это примерно сто новых иероглифов. Китайский язык у нас был каждый день. В первую неделю я не написала контрольную. Очень расстроилась. Основной преподавательницей китайского языка в нашей группе, имя отчество я не помню, была Сидихмеева, жена *Николая Николаевича Короткова*¹¹. Он заведовал в институте кафедрой китайского языка.

---

¹¹ *Коротков Николай Николаевич* (1908–1993). Китаевед, д.филол.н. (1971). Окончил востфак Дальневосточного института народного хозяйства (1931). Преподаватель (1932–1939),

Сидихмеева, очень милая и добрая женщина, подошла ко мне. «Настенька, не расстраивайся, давай поступим так: завтра суббота, мне надо приготовить что-то, мужа накормить. А в воскресенье мы с тобой позанимаемся по пройденному за неделю материалу», – любезно предложила она. Таким образом я была догоняющей, самые азы я не прошла. Мы с ней просидели часа три, и я как-то кое-что поняла. В институте ещё был военный факультет. Вернее, группа арабистов Военного института иностранных языков и спецгруппы монголов и тувинцев.

АВ: А спецгруппы – это что такое?

АК: Спецгруппы – это группа монголов и группа тувинцев. Они в институте были на особом положении, что касается денежного содержания, питания и быта.

АВ: А с Евдокией Ивановной вы учились в одной группе?

АК: Нет, в разных. На следующую неделю я написала контрольную на «четвёрку». К концу семестра оценки по китайскому были уже между «четвёркой» и «пятеркой». Так я, как бы сказать, догнала девушек из нашей группы. В начале октября занятия были прерваны, и студенты поехали на сбор хлопка. Там мы с Дуней снова собирали хлопок, проводили с ней всё свободное время. В 1943 году в Москве было принято решение о реэвакуации МИВ. В распоряжение института предоставили эшелон. В основном он состоял из теплушек, были и пассажирские вагоны. Отъезд был назначен где-то на конец октября – начало ноября¹².

АВ: В Фергану приехали только преподаватели института или студенты старших курсов тоже?

АК: И преподаватели, и студенты старших курсов.

АВ: А на 1-й курс они набирали на месте?

АК: В основном в Ташкенте, но было и некоторое число из окончивших в 1942 г. 10-й класс в Фергане.

АВ: Был только один курс, один набор?

завкафедрой китайского языка (1942–1954) в МИВ, в Высшей дипломатической школе МИД СССР (1939–1942), МГИМО, ВИИЯ.

¹² Вероятно, это был 1942 г., а не 1943 г. См. примечание ниже – ред.

АК: Насколько я помню, в августе 1943 г. в Фергане набор не проводился. Выехали мы из Ферганы через Ташкент. Простояли там три дня. До Москвы ехали месяц. Главная ценность института – Синологическая библиотека. Главная забота состояла в том, чтобы сохранить эту ценнейшую библиотеку. Мы помогали грузить её, всё это коллективно делали. Было и много рабочих для погрузки всякого другого имущества института. Во время поездки мы очень часто останавливались на станциях и полустанках, и могли сутками стоять на запасных путях. В такие моменты шли эшелоны военного назначения. Самым ярким событием во время поездки, это уже в ноябре, стало известие о нашей великой победе в Сталинградской битве¹³. У нас не было радиоприёмников, и вот, когда поезд остановился где-то на полустанке, услышали по радио известие, что столько-то тысяч фашистских войск наша Красная Армия взяла в плен после полного разгрома их армий в этой тяжелейшей битве. Мы все высыпали из вагонов. Кто-то кричал: «Ур-р-р-а!» Другие плакали от радости.

АВ: Вы начали говорить о преподавателях. Все преподаватели приехали?

АК: Думаю, что не все. Когда мы приехали в Москву, появилось много преподавателей разных дисциплин, которых в Фергане не было, но до эвакуации большинство из них в институте преподавали.

АВ: Тот штат из Москвы, который приехал в Фергану, полностью вернулся обратно?

АК: Именно так. Когда мы приехали в Москву, девушек (человек сорок) разместили в бывшем читальном зале Дипломатической академии НКВД СССР. Это было в начале декабря, холодный месяц. Поставили сорок коек, помещение не отапливалось. Ребят поместили на втором этаже, по четыре человека в кабинетах, также поставили койки. Единственное, что у нас было для отопления и не только – электрические плиты. На них мы кипятили себе чай, варили что-то, кашу или что у кого есть. Там же сушили своё белье. А ещё одно общежитие помещалось в бывшей церкви. Она не действовала давно, много лет там был какой-то склад. К нашему

---

¹³ Операция Красной Армии по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом началась 19.02.1942. Сталинградская битва завершилась 2.02.1943 – ред.

приезду это помещение приспособили для общежития. Это было недалеко от основного общежития. Там разместили и Дунину группу. А я была в основном здании. Здание института находилось в противоположном конце города, с двумя пересадками метро. Московский институт востоковедения располагался в Сокольниках, в Ростокинском проезде, в доме 13А.

АВ: А в Фергане изучали только языки?

АК: Там в основном были китайский и английский.

АВ: Почему?

АК: Думаю, из-за отсутствия преподавателей по другим дисциплинам, а также, возможно, чтобы с самого начала взять удачный старт на пять предстоящих лет изучения китайского.

АВ: Появились новые преподаватели, значит, всё же не все переехали в Фергану?

АК: Не все. А из Ферганы вернулись все. В Москве уже по-другому шли занятия, здесь было нормальное помещение, аудитории, в том же здании и Синологическая библиотека.

Первое, с чем мы столкнулись в житейском плане – зал, в котором мы жили, не только не отапливался, но и на полтора метра от пола был сырым, просто мокрым. В общем, нам эти электроплитки очень помогали. Нас не ограничивали в расходах электроэнергии, и мы ничего не платили и за общежитие. Когда институт уже обустроился и можно было начинать занятия, состоялось институтское собрание, примерно 300 человек. Собрание вёл декан ближневосточного факультета *Кямилев*¹⁴. По делу поговорили, как теперь будет идти наша учёба. К концу собрания он спросил: «Есть какие-нибудь вопросы?» Кто-то один буркнул как бы про себя, но все услышали: «Знаете, в общежитии очень холодно, стены мокрые». А декан с юмором был, не растерялся: «Если студента держать в тепле, да ещё и кормить сытно, то он будет спать. Ему некогда будет изучать языки». Все рассмеялись, на этом собрание и закончилось.

---

¹⁴ *Кямилев Хайбула* (1910–1979). Востоковед, литературовед, д.филол.н. (1971). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1941–1952), МГИМО МИД СССР (1952–1956). Сотрудник ИВ АН СССР (1956–1979).

АВ: Вы можете вспомнить, сколько всего тогда было студентов в МИВ?

АК: На всех курсах? Примерно 300 студентов. Дело в том, что на некоторых отделениях, где изучали пушту, уйгурский и некоторые другие языки (не помню, какие), было по 3-5 студентов на курсе.

АВ: Значит около ста человек на курсе?

АК: Да, примерно так.

АВ: Какие предметы у вас прибавились на 2-м и 3-м курсах?

АК: Во всех группах 2-го курса китайский язык преподавал *Советов – Чэнь Чан-хао*¹⁵. В Фергане его не было. Но не один он. В каждой группе был как бы основной, ведущий преподаватель китайского языка. Мне больше запомнился 3-й курс. Началось изучение новейшей истории Китая, появились новые преподаватели по другим предметам.

АВ: А кто читал вам этот курс?

АК: *Г.Н. Войтинский*¹⁶. Никто не знал в то время, что в 1920-х годах с некоторыми перерывами он был представителем Коминтерна в Китае. Войтинский хорошо знал политическую историю Китая 1920–1940-х годов. Но лектором он не был в таком же хорошем качестве. В его лекциях всё сводилось в результате к тому, какие и когда военные группировки *дуцзюней*¹⁷ воевали друг с другом за влияние над пекинским правительством. А многое, что он знал, не мог рассказать, поскольку работа, которую он вёл в Китае, не могла разглашаться. На том же курсе с нами

---

¹⁵ *Чэнь Чан-хао* (?-?). Он же – *Советов-Чэнь И.И.* Этнический китаец, эмигрант. Преподаватель и переводчик. С юности жил и работал в СССР. Преподавал китайский язык в ряде вузов Москвы. Один из переводчиков на русский язык трудов Мао Цзэ-дуна в 4-х тт., участвовал в создании Большого китайско-русского словаря (1983–1984). Соавтор учебника: Исаенко Б., Коротков Н., Советов-Чэнь И. Учебник китайского языка. М., 1954. 540 с. Здесь впервые названо его полное китайское имя – Чэнь Чан-хао.

¹⁶ *Войтинский (Зархин) Григорий Наумович* (1893–1953). Революционер, политический деятель, китаевед. Д.э.н. (1935, без защиты); профессор (1935). Жил в эмиграции в США (1907–1917). Член РКП(б) с 1918 г. В 1920–1927 гг. работал в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Как посланник ИККИ встречался в 1920 г. в Китае с Сунь Ят-сеном, участвовал в работе IV и V съездов КПК, ряда пленумов ЦК КПК (1924–1926). Председатель Дальбюро ИККИ в Шанхае (1926–1927). С 1930-х гг. работал в Москве. Работал в Институте истории АН СССР (1929–1948), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ (1929–1953).

¹⁷ *Дуцзюнь* 督軍 – кит.: военный губернатор.

начал работать *А.П. Рогачёв*¹⁸, который также в 1920-х годах работал в Китае, а много позже – в Синьцзяне. Алексей Петрович – родоначальник семьи известных китаеведов, знакомил нас с *Сань минь чжуи* («Три народных принципа») *Сунь Ят-сена*¹⁹. Он давал нам задание на неделю – несколько страниц китайского текста из *Сань минь чжуи*, чтобы мы могли вслух прочитать и перевести на русский. Это уже была серьёзная работа. Он никогда не ругал неподготовившего задание, а просто огорчился. И ещё очень важным было то, что он рассказывал нам о Китае и китайцах, что способствовало формированию из нас специалистов-китаистов. Много рассказывал о Сунь Ят-сене.

Большим событием на том же курсе явился для нас цикл лекций *Любови Дмитриевны Позднеевой*²⁰ о китайской литературе. Она отлично владела китайским языком, переводила на русский наиболее известных китайских авторов. Нам она читала обзорный курс литературы чуть ли ни всех эпох. А знала она так много из истории развития китайской литературы и хотела как можно больше передать свои знания нам, студентам, что ей постоянно не хватало времени рассказать всё, что она намечала на урок. Нередко Любовь Дмитриевна выходила за рамки литературы и касалась других видов культуры соответствующей эпохи. Учебников по китайской литературе ещё не было, и мы записывали наиболее яркие и интересные эпизоды из её лекций. Эту серию лекций Позднеевой мы слушали два семестра. Вероятно, в Москве больше не было специалиста такого широкого диапазона знаний этого предмета. Новым предметом была также политэкономия. В 1944 г. поступили

---

¹⁸ *Рогачёв Алексей Петрович* (1900–1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928–1934). Сотрудник Отдела информации генконсульства СССР в г. Харбин (1936–1939). Преподаватель в МИВ (с 1939). Профессор ИСАА при МГУ.

¹⁹ *Сунь Ят-сен 孫逸仙* (1866–1925), *Сунь Вэнь 孫文* (литературный псевдоним), *Сунь Чжун-шань* (孫中山, имя в эмиграции). Революционер-демократ, один из великих лидеров Китая в XX в. Основатель партии Гоминьдан (1912), вождь республиканской Синьхайской революции 1911 г., 1-й президент Китайской Республики. Автор учения о «трёх народных принципах» (национализм, народовластие, народное благоденствие). Выступал за союз Гоминьдана с КПК и СССР. В 1940 г. удостоен титула «отца нации».

²⁰ *Позднеева Любовь Дмитриевна* (1908–1974). Китаевед, д.филол.н. (1956). Окончила ЛГУ (1932). Дочь известного востоковеда Д.М. Позднеева (1865-1937). Преподаватель ДВГУ (1932–1939), МГУ (с 1944). Специалист по китайской литературе.

учиться на китайский сектор два сына Мао Цзэ-дуна – старший *Мао Ань-ин* и младший *Мао Ань-цин*.²¹ Старший – Сергей, как мы его называли, учился под именем Юнь Фу, пришёл на наш курс, а младший – Коля Юнь Шу, курсом ниже. Сергей явился в форме офицера Красной Армии. Это был одарённый молодой человек. Например, на семинарах по политэкономии, на которых присутствовали студенты всех пяти групп, он всегда отличался наиболее глубоким пониманием предмета. Естественно, никто в институте не знал, по крайней мере, не должен был знать, что это сыновья Мао Цзэ-дуна.

На 3-м курсе я уже твёрдо решила, что буду заниматься историей Китая. Узнав, что в Исторической библиотеке, расположенной почти в центре Москвы, по правую сторону от Армянского переулка, имеется кабинет Востока, нашла библиотеку и записалась в неё. Кабинет Востока оказался небольшим уютным залом, на каждого читателя – столик и лампа с абажуром. В библиотеке тепло. Кроме того, когда приходишь, можно было зайти в буфет и получить стакан горячего чая на сахарине. А, главное, в этом зале можно было найти кое-какую литературу по истории Китая и некоторым другим направлениям.

АВ: А Коротков преподавал вам китайский язык?

АК: Возможно, он преподавал его на старшем курсе. С Н.Н. Коротковым мы познакомились когда были уже на 3 курсе. Вы знаете, этот человек полностью был погружён в разгадку тайн китайского языка, *вэньяня*. И вот однажды он целому нашему курсу прочитал обзорную лекцию о китайском языке. Лекция вызвала большой интерес. А завершил он её советом: «Вы на ночь читайте словарь. Вот вы

---

²¹ *Мао Ань-ин* 毛岸英 (1922–1950), русское имя Сергей. Сын Мао Цзэ-дуна от его жены Ян Кай-хуэй. Родился в г. Чанша. После гибели матери в 1930 г. бежал с братом в Шанхай. В 1936 г. послан в СССР, жил и учился в Ивановском интердоме. В 1942 г. окончил курсы сержантского состава, учился в Военно-политической академии им. Ленина и Военной академии им. Фрунзе. Лейтенант, член ВКП(б). Воевал на 2-м Белорусском фронте. В январе 1946 г. вернулся в Китай. Во время Корейской войны служил переводчиком в штабе Пэн Дэ-хуая (главком Китайских народных добровольцев в КНДР), погиб в 1950 г.

Мао Ань-цин 毛岸青 (1923–2007), русское имя Николай. Сын Мао Цзэ-дуна от его жены Ян Кай-хуэй. Родился в американском госпитале в г. Чанша. После гибели матери в 1930 г. бежал с братом в Шанхай. В 1936 г. послан в СССР, жил и учился в Ивановском интердоме. Вернулся в Китай в 1947 г. Работал переводчиком в ЦК КПК, признан больным шизофренией.

уже в постели, берите китайский словарь, открывайте на любой странице и подряд читайте. А потом хорошо, чтобы вы этот словарь под подушку положили. Существует поверье, что это даёт хороший результат». Но у нас не у всех были словари. Именно Н.Н. Коротков раскрыл в Дуне талант преподавателя китайского языка.

АВ: Значит, это его заслуга? Как это произошло?

АК: Да. Однажды заболела преподавательница китайского языка (как будто Донец²²), и Коротков решил подключить Дуню к преподаванию. Она сказала, что не знает, «как дальше идти». «А я вам помогу готовиться к следующим занятиям, – пообещал он, – и вы будете вести уроки». Она вполне успешно справлялась, это было на 3 или 4 курсе. Дуня почти два месяца училась и преподавала в одной группе, пока не выздоровела преподавательница этой группы. И он в конце сказал: «Ваш путь – преподавание китайского языка». Так и получилось... Из МГИМО пришла преподавательница по истории международных отношений А.Л. Ефимова. Наверное, на 4 курсе у нас появился этот новый предмет.

АВ: По истории международных отношений вообще?

АК: Общая история международных отношений, в основном западных стран. Со 2-го курса, кто успешно учился, получал повышенную стипендию – 70 рублей. То есть добавляли 20 рублей в месяц. Я, в частности, чувствовала эту прибавку. Стать историком Китая я решила, как уже упоминала, на 3-м курсе, когда два года уже работала в кабинете Востока Исторической библиотеки. Там делала уроки, потом читала историческую или ещё какую-либо литературу по Китаю. На 3-ем курсе написала курсовую работу о Сунь Ят-сене. Шёл 1944–1945 учебный год. В то время мы писали курсовые работы в объёме школьной тетради. Свою курсовую работу я сдала Г.Н. Войтинскому. Он одобрительно отнёсся к моей работе. Спрашивал, где я брала литературу. К деятельности, личности, революционному и политическому пути Сунь Ят-сена, его отношению к Советскому Союзу я обращалась много раз. Опубликовала об этом ряд статей. Но всё это было много позже. Не знаю, что

---

²² Полное имя неизвестно – ред.

случилось, но в следующем году Г.Н. Войтинского не было в институте. Курс новейшей истории Китая нам больше никто не читал, иначе я бы запомнила.

В институте учились несколько инвалидов и участников войны: Толя Усачёв и ещё один Толя – на турецком; Леня Гингольд, с одной рукой, на китайском секторе; Надя Конева – японистка, у неё полноги было ампутировано; Зия Буниятов – Герой Советского Союза, в будущем выдающийся знаток арабского языка, директор Института востоковедения Азербайджана; моряк Миша Александров, японист. Мы, конечно, много работали. Вместе с тем, у нас сложилась студенческая компания, довольно большая, мы же все были молодые! Мне особенно запомнились две встречи Нового года, 1944 и 1945. У нас по карточкам на месяц, кроме макарон, крупы и сахара, ещё иногда выдавали баночку лярда, который Советский Союз получал по ленд-лизу, и бутылку водки. Так что нам было что сохранить для встречи Нового года.

АВ: Лярд – это что такое?

АК: Лярд? Это топлёный жир, натуральный. Упакован был в небольшие баночки весом грамм 300. Но для нас это было некоторым подспорьем. На Новый год мы собрались на квартире Веры Старостиной и её мужа Прибытковского. Они не китаисты. У них была двухкомнатная квартира. И вот мы нагрянули туда, человек 14–15. Приготовили таз винегрета, все принесли водку. Девушки обычно меняли водку на хлеб. Но к Новому году сохранили, и все принесли её. Кто-то из ребят добыл сироп, чтобы девочки пили якобы вино. Главной закуской был в неограниченном количестве винегрет, потом ещё бутерброды сочинили, кто-то сыр добыл, всем досталось по бутерброду. В общем, встретили прекрасно Новый год, много спорили, пели песни военных лет, танцевали под патефон. Спорили мы о современном положении, о том, что мы знаем о Китае, о положении на фронтах Отечественной войны. Это была главная волнующая всех тема. В общем, вы понимаете, тогда это была живая студенческая жизнь, сейчас этого нет у молодёжи. Это современная реальность. Теперь студенческие компании формируются по другому принципу.

Другой Новый год встречали мы за городом, на даче у одной студентки, москвички. Это было на 3 курсе. Как раз мой брат с фронта приехал в командировку в Москву. Ещё с первого года войны на большой высоте по ночам наши лётчики достигали Берлина и сбрасывали бомбы. Василий – участник ВОВ от её начала до полной победы. Я нашим ребятам-студентам сказала, что ко мне брат с фронта приехал. «Так ты его возьми с собой встретить Новый год». Я познакомила его со всеми. Он явился в форме офицера морской авиации. Вся компания приняла его, можно сказать, восторженно. Дача принадлежала какому-то генералу, отцу студентки. Она отпросилась у родителей встречать Новый год не с ними, а в студенческой компании. Девушка-хозяйка привезла из дома кое-что вкусное. Всё шло своим чередом. И вдруг в какой-то момент всех ребят словно смыло, ни одного парня в доме не осталось и моего брата тоже. Мы подумали, может быть, им понадобилось обсудить что-то по своим мужским делам, Вдруг слышим звуки выстрелов – один, второй, третий, четвёртый... Мы все в ужасе выбежали из дома, смотрим из соседнего дома также все выбежали с криками: «Опять фашисты здесь!» В общем, такая паника была. Оказывается, мой братец хотел показать ребятам, как он стреляет. Они где-то на территории нашли ящик, собрали бутылки, штук десять, и он всю обойму выстрелил без единого промаха. Ну, вы понимаете, какая это была глупость, просто необузданное мальчишество. Я ему, как следует, выговорила. Но потом все как-то забыли об этом эпизоде. Новый год есть Новый год: продолжалось веселье, танцы, разговоры, споры, – всё как обычно в праздники. Это картинки из студенческой жизни тех лет.

АВ: В круг вашего общения входили студенты-сокурсники, не только китаисты?

АК: Это была компания студентов с разных секторов. В общем, мы были одного возраста. Наступил 4-й курс, и мы, конечно, все были комсомольцами, у нас был комсомольский комитет, всё как обычно. В том же 1945 г., где-то в феврале, приехал с фронта в отпуск, проездом в Ташкент, один офицер, с которым мы были знакомы в Ташкенте по занятиям спортом. Он разыскал меня в институте. Вся наша девичья группа окружила нас, ведь не каждый день в институт приезжают фронтовики. На урок я уже не пошла – ко мне приехал фронтовик! Мы пошли в

общежитие. Он открыл свою вещевую сумку, выложил паёк, мы организовали чай, а я как раз посылку из дома получила, кусочек сала и рис. Во время нашей беседы я ему сказала, что сегодня вечером наша компания идёт на музыкальную лекцию. В то время несколько наших студентов посещали в Доме учёных на Кропоткинской лекции по музыке. Там проходили лекции по определённой теме или по творчеству определённого композитора, сопровождавшиеся концертом. Он спросил, можно ли пойти ему со мной. Кстати, входной билет стоил всего двадцать копеек. Мы пошли на лекцию-концерт. Там было несколько китаистов с нашего курса, они тут же его окружили и шумно познакомились, он же был «прямо с фронта». Когда мы вышли из здания он был под большим впечатлением и долго молчал. Я подумала: «Ну всё, он мне сейчас выдаст: вот мы, мол, на фронте кладём жизни, а вы тут музыкой развлекаетесь». Он попросил меня, если можно, пешком пройти по Москве. «Я никогда не был в Москве, мне все здесь интересно», – сказал он. Шли мы долго. И вдруг он говорит: «Знаешь, что я думаю? Какое у нас дальновидное руководство: идёт война, а в тылу уже идёт подготовка к послевоенному строительству и руководство готовит специалистов. Ты ведь говоришь, что все институты работают. Ну, ты понимаешь, что это значит?» Это сказал фронтовик, один из миллионов советских воинов, которые сокрушили бесчеловечные орды гитлеровских фашистов! Не знаю, какие чувства эта фраза возбудила во мне. Но я почему-то не могла сдержать слёз.

К концу 4 курса меня пригласили в партком. Разговор был такой: ну вот, почти кончается 4 курс, вы все повзрослели здесь, в институте. «Как вы насчёт вступления в партию, в кандидаты в ВКП(б)?» Я честно сказала, что как-то об этом не думала, я ещё студентка. Просто, говорю, для меня это как-то неожиданно. «Ну, мы хотели предложить вам вступить в кандидаты в партию». Я спросила, что для это нужно. Мне объяснили, что надо написать заявление с обещанием выполнять устав ВКП(б) и пр. Наверное, недели через две я подала такое заявление и к моменту окончания института была уже членом партии.

АВ: То есть прошёл год кандидатского стажа?

АК: Да, на 5 курсе. Это был тяжёлый курс, так как предстояли выпускные экзамены. Я не стану рассказывать, какие знания мы получили в институте. Считаю, что немалые для начала работы по интереснейшей для меня и нелёгкой специальности.

АВ: Какой это был год?

АК: Выпуск состоялся в 1947 году. Началась подготовка к курсовым экзаменам, а за ними последовали выпускные.

АВ: А сколько студентов было в языковых группах?

АК: Языковые группы небольшие, по пять-шесть человек. Выпускные экзамены сдавали всего 25 китаистов, остальные 50 студентов постепенно отсеялись.

АВ: А вы не помните, какие были государственные экзамены?

АК: Китайский и английский языки, история Китая, история ВКП(б). Ещё какой-то предмет был, не помню. Причём по китайскому языку у нас были устный и письменный экзамены. В наших дипломах наша специальность квалифицировалась как референт-переводчик по Китаю.

АВ: Вот вы называете китайский сектор, он был самый большой на курсе?

АК: Да. Он оставался самым большим.

АВ: А на втором месте?

АК: На втором месте, по-моему, арабский, довольно много было студентов. Были две группы японистов, тюркологи. На всех курсах китайский сектор был самым большим по числу студентов.

АВ: Выпуск был человек сто на курсе?

АК: Примерно так, я думаю, даже немного меньше ста.

АВ: Как решился вопрос с вашим трудоустройством?

АК: Институт окончен, мы получили дипломы. В институт стали приходить представители разных ведомств – подбирать выпускников для работы в их ведомствах. Только для работы в Маньчжурии уже была определена довольно большая группа китаистов нашего выпуска. Со мной беседовали двое. Но ни один, ни другая не сделали определённых предложений. Одна из них, женщина, долго со мной разговаривала на разные темы. Потом сказала, что ей понравилось, как я

оцениваю то-то, как – другое. И тут вдруг вызывает меня директор института и спрашивает, разговаривал ли со мной кто-либо о работе. Я ответила. «И как? Вы кому-нибудь дали согласие? Никому не давайте никаких обещаний. Вы пойдёте в аспирантуру», – завершил директор. Я сказала, что не пойду в аспирантуру, что устала и хочу домой, в Ташкент.

АВ: Вы так за всё время и не ездили домой?

АК: Нет, каждые каникулы ездила. Однажды даже без билета. У меня была температура 39 градусов, поэтому я не могла пойти купить билет. А мои сокурсницы из Ташкента меня в общежитии не оставили. Евдокия Ивановна уже уехала, а я как раз заболела и сказала ей, что немножко оклемаюсь и потом поеду. Галя Пустовойт и ещё три или четыре девушки из Узбекистана настаивали, чтобы я поехала с ними, что они меня не оставят здесь одну. Но как же я без билета поеду? В ответ услышала: «Ничего, когда будут проверять билеты, мы тебя на верхней полке одеялами и чемоданами закроем». Так вот они меня и провезли в Ташкент.

АВ: А чем же всё-таки завершился разговор с директором института?

АК: «Ну вот что, никаких разговоров, – сказал он решительно. – Значит, ваш реферат мы засчитаем за вступительное сочинение. Кроме того, вы будете сдавать вступительные экзамены в аспирантуру. У вас все данные для этого есть. Вы будете у нас учиться и потом работать». Я снова повторила, что очень устала, не хочу в аспирантуру, поеду в Ташкент. «Ну, хорошо, – согласился директор, – езжайте в Ташкент, только ни с кем не имейте дела из тех, с кем вы разговаривали о будущей работе». На этом разговор и завершился.

АВ: Кто это с вами разговаривал до директора?

АК: Что касается беседы с женщиной, то это выяснилось только осенью. А о втором собеседнике у меня были лишь догадки.

АВ: Кто был директором?

АК: Он был назначен на эту должность когда мы кончили 4 курс. Пришёл с дипломатической службы. Но я, к сожалению, не помню его фамилию. Он был знаком со всеми выпускниками, знал всех в лицо и по имени и отчеству.

Я уехала в Ташкент. Родители, конечно, были очень рады, что я окончила институт и приехала. И вдруг, через десять дней телеграмма за подписью парткома: «Срочно выезжайте в институт». Я подумала: причём тут партком? Отец тоже прочитал телеграмму и сказал, что мне придётся ехать, что, наверное, речь идёт о работе. Я, конечно, и сама понимала: если пришла такая телеграмма, надо ехать. Через несколько дней я поехала в Москву. Приезжаю в институт, кабинет парткома закрыт. Пошла в кабинет директора, его там нет. За окном был июль, каникулы. Потом пришла одна из членов парткома, которая была не очень осведомлена, но сказала, что знает про такую телеграмму, секретарь парткома писал при ней, редактировал – как написать покороче и твёрдо, чтобы я приехала. Я немного побывала в институте и сказала, что приду завтра. По старой памяти пошла в общежитие. Там меня пустили, весь персонал знал, что я некоторое время буду жить в общежитии. Вероятно, об этом сказал кто-то из парткома. Были каникулы, все комнаты были свободны. На следующий день я пришла в институт. Секретарю парткома доложили, что Картунова приехала. Поздоровавшись, он сказал, что даст мне номер телефона, фамилию, имя, отчество, кому я должна позвонить прямо сегодня. На мой вопрос, что это за учреждение, последовал ответ: «Кажется, какой-то закрытый институт, где Китаем вроде бы занимаются тоже, но точно я не знаю». Предварительно связавшись по телефону, я пошла на встречу по указанному адресу. Меня встретила женщина, которая беседовала со мной в институте по его окончании. Во время той беседы она обмолвилась: «Есть такой закрытый институт».

АВ: Это на Старой площади?

АК: Да, на Старой площади. Маленький трёхэтажный домик во дворе зданий ЦК КПСС. Потом я там и работала, это был НИИ №205, который впоследствии во многом определил круг моих научных интересов. Мы с ней поговорили, она уже всё знала о моих родственниках. Спросила, как смотрят мои родители на то, что я уехала. Разговор был довольно долгим. Спросила о членах семьи, где сейчас работают мои сестра и брат. Я рассказала, что сестра всю войну работала и продолжает работать в военном госпитале. Хотя война кончилась, больных не

уменьшилось в госпитале. Брат сейчас демобилизовался и живёт с семьёй в Алма-Ате. Вот такой-то адрес. В общем-то, она, как я поняла, всё уже знала. Спросила, есть ли у меня место, где ночевать. Я сказала, что живу пока в общежитии, где раньше жила, и жду ответа, зачем меня пригласили. «Мы вам сообщим, когда вам нужно будет прийти. Речь идёт о вашей работе». Но конкретно опять ничего не сказала. Проходит неделя, другая, третья, кончился июль, август, идёт сентябрь, у меня денег не осталось. И как-то неудобно посылать письмо или телеграмму родителям, чтобы они прислали мне деньги. Но я написала в письме, как обстоит дело, что со мной разговаривали, что вот такой институт интересный, но сейчас идёт какое-то согласование, и пока я не знаю, когда начну работать. Отец всё понял и прислал мне на адрес МИВ небольшую сумму. И вы знаете, начался октябрь, а я всё ещё жила в общежитии. Наконец, мне предложили работать в НИИ №205 младшим референтом по Китаю. Та же женщина предупредила, что «фактически институт – закрытого типа, много о нём чтобы не говорили». Потом она отвела меня к заместителю директора НИИ №295 П.К. Романову. Мы познакомились и он повёл меня в кабинет, где определил место для работы и представил моим будущим коллегам. Он ввёл меня в большую комнату с высоким потолком, окно почти во всю стену, светлая такая комната. «Вот это – Мановар Муссо, – представил он, – генеральный секретарь Компартии Индонезии. Это товарищ Годунов, только что вернулся из Китая, 10 дней назад. Работал в Китае советником по экономическим вопросам. Это у нас Саша Коган, работал в Коминтерне, в Отделе кадров, потом в какой-то исследовательской группе Коминтерна. Мы с ним уже работаем давно. Вот ваш стол, с сегодняшнего дня вы работаете. Желаю вам успеха, до свидания», – попрощался и ушёл. Вы представляете, в какую я попала компанию?! Это был институт, весь аппарат сотрудников которого состоял преимущественно из бывших работников Отдела печати и радиовещания ИККИ. Но в то время я ничего об этом не знала. После роспуска Коминтерна, о чём 22 мая 1943 г. было сообщено в «Правде», он не мог исчезнуть внезапно. Во-первых, куда девать аппарат, а он был многочисленный, большое хозяйство, радиостанции, вещавшие на многих языках во время войны, и после войны надо как-то сохранить хотя бы часть из них. А там

работали и представители компартий тех стран, которые на стороне фашистов воевали, они продолжали вещать на свои страны и после роспуска Коминтерна. Были партийные школы для пленных, например, среди пленных оказались либо антифашисты, либо коммунисты, и всё это надо было как-то организовывать. Наш НИИ №205 – маленький институт, который помещался на трёх этажах. А под землей было ещё помещение, где хранились важные документы. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о создании института было принято в июне 1943 г., и он входил в организационную структуру Отдела международной информации ЦК ВКП(б). Повторю, я тогда не знала всего этого. Дня через три мне принесли солидную стопку газет и журналов на китайском языке и пару номеров журнала, в том числе издававшихся в Дунбэе²³.

АВ: Это был ноябрь 1947 года?

АК: Это ещё вторая половина октября 1947 года. Меня пригласил директор НИИ №205 Н.Н. Пухлов и сказал, что институт получил задание из Отдела внешней политики ЦК КПСС, чтобы я сделала обзор этих газет и журнала. Может быть, перевела наиболее интересные места. Спросил, сколько времени мне нужно для выполнения этого задания. «Всё зависит от материала, зависит от того, как сориентироваться – что для них самое интересное», – ответила я. Пухлов порекомендовал обратить внимание на то, как освещены в печати дела у коммунистов на фронтах (шла гражданская война). Я полистала, посмотрела – лексика несложная, газеты рассчитаны на широкую китайскую аудиторию, преимущественно на коммунистов. На следующий день сказала, что мне нужно дней десять, может быть, две недели. «Хорошо, работай», – распорядился директор. Я представила обзор Пухлову. Там, наверное, было страниц 15 на машинке, и он немедленно, не читая, отослал его в Отдел ЦК. Потом мы как-то встретились и он сообщил: «Настя, твой обзор встречен положительно». В то время было такое официальное выражение. Мне было приятно, что я не подвела Пухлова. «Ну, работай, мы тебе ещё пришлём кое-что». Примерно через неделю после этого меня

---

²³ Дунбэй – Северо-Восток Китая, т.е. Маньчжурия, или провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь/Гирин.

пригласил директор и сказал, что институт получил задание от руководства Отдела ЦК, а это было, конечно, руководство сектора стран Дальнего Востока. Я поняла очень быстро, что это китаевед присылает задания. «Вот книжечка на китайском языке, я не знаю, как она называется, посмотри», – и передал её мне. Это была небольшая книжка *Лю Шао-ци*²⁴, в мягком переплёте, под названием «О работе коммуниста над собой» (*Лунь Гунчаньдан-юань дэ сю-ян*), объёмом примерно в 100-120 страниц. Как потом оказалось, это были его лекции в Институте марксизма-ленинизма, переработанные для широкой аудитории коммунистов, особенно в армии. Я полистала, посмотрела содержание, какие главы и язык, подумала, что с этим языком справлюсь. Пришла к нему через 5 дней с сообщением, что мне понадобится, наверное, две недели. «Так быстро? – был вопрос. – Мы просто обрадуем Отдел ЦК. Поднимется наш авторитет», – шутя сказал он. – Но ты учти, что эта аннотация должна быть очень подробной. Так что, не стесняйся в объёме, дай полную картину содержания книжки». Если они хотят всё подробно, придётся переводить куски точно. Ведь Лю Шао-ци – член Политбюро ЦК КПК. Я представила вместе с книгой подробную аннотацию, и её отослали в Отдел ЦК. Читал, конечно, *Ковалёв Евгений Фёдорович*²⁵, как я узнала уже позже. Он заведовал сектором стран Дальнего Востока – так называли сектор. В действительности это был сектор связи с компартиями стран Дальнего Востока. Где-то недели через две, когда я выполняла обычную работу, небольшие переводы, ознакомление с новыми журналами и пр., пригласил меня директор и сообщил: «Ты знаешь, твоя аннотация их вполне удовлетворила, так что они оценили её положительно». Он сказал мне

---

²⁴ *Лю Шао-ци* 劉少奇 (1898–1969). Государственный и партийный лидер КНР. Учился в КУТВ в Москве (1921). Член ЦК КПК (1927). Политкомиссар 4-й армии, член секретариата ЦК КПК (1932 – 1942). Председатель ПК ВСНП (1954–1959). Официально назван преемником Мао. Поддержал «Большой скачок», но затем выступил за постепенность экономического развития. В 1967 г. осуждён в прессе КНР как «самое большое лицо в партии, облечённое властью и идущее по капиталистическому пути» и «китайский Хрущёв». В 1968 г. обвинён в «контрреволюционной деятельности», изгнан из партии, смещён со всех постов. Арестован и умер в 1969 г. в тюрьме г. Кайфын. Реабилитирован в 1980 г.

²⁵ *Ковалёв Евгений Фёдорович* (1907–1995). Китаевед, к.э.н. (1945), д.и.н. (1968). Окончил МИВ (1933). Дипломат (1935–1944), партработник (1945–1952), сотрудник ИВ АН СССР (1952–1957, 1962 – 1964), Института китаеведения (1959–1960), ИЭМСС (1964 – 1966), ИДВ АН СССР (1966–1995), главред журнала «Советское китаеведение» (1957–1958).

несколько комплиментов за то, что «справилась с этим ответственным заданием». Шло время, мы все, работавшие в нашем рабочем помещении, хорошо познакомились. Мановар Муссо называл меня Нашша. Может быть, в малайском языке нет звука «с»?

В тот год ещё несколько выпускников институтов, которые не имели отношения к Коминтерну, были зачислены в штат НИИ №205. Но наши контакты с работниками других секторов не были тесными. Все были заняты своими заданиями.

АВ: Как распределились другие ваши сокурсники?

АК: Человек восемь-десять были направлены на КВЖД в Маньчжурию. Среди них была и Дуня. Ей работа в Китае дала очень много полезного. Она часто была переводчицей у Ковалёва.

АВ: Я знаю Ковалёва Евгения Фёдоровича. А тот Ковалёв?

АК: Тот Ковалёв – совсем другая фигура. Я говорю об И.В. Ковалёве, в то время руководителе группы советских специалистов по экономическим вопросам, представителе ЦК КПСС при ЦК КПК, представителе Сталина. Это бывший министр путей сообщения СССР. Но конкретно в то время, по воспоминаниям Дуни, он занимался и делами на КВЖД. Она там блестяще освоила разговорный язык, легко общалась с китайцами, рассказывала, как одно время их группа располагалась рядом со спортплощадкой, на которой члены Политбюро ЦК КПК играли в волейбол. По её воспоминаниям, однажды она разговаривала с Мао Цзэ-дунем. «Как же ты с ним разговаривала, у него же хунаньский диалект, вместо Хунань он говорил Фулань», – поинтересовалась я. «Ну, я как-то иногда догадывалась, о чём он говорил», – ответила Дуня. Кстати, когда Мао Цзэ-дун приехал работать в Сычуань и говорил на хунаньском диалекте, его как будто вначале не все понимали. Как мне рассказывали позднее в Китае, когда проходил VII съезд КПК (1945 г.), Мао Цзэ-дун стоял на трибуне и читал свой доклад на хунаньском диалекте, те делегаты съезда, кто не понимал хунаньского диалекта, пользуясь наушниками, слушали доклад в пекинском произношении.

АВ: Что вы говорите?! То есть текст доклада Мао Цзэ-дуна был у диктора. Мао выступал по-хунаньски, а диктор дублировал доклад на зал по-пекински?

АК: Да. По крайней мере, так мне рассказывали. Не думаю, что это легенда.

АВ: А где работали другие выпускники вашего курса?

АК: Некоторые из тех, кто поехал на КВЖД, потом работали переводчиками в журнале «Дружба», который издавался в Дунбэе.

АВ: А кто был редактором русского издания «Дружбы»?

АК: *Сидихменов*²⁶. Он хорошо знал китайский язык. Позже длительное время работал в ИДВ РАН. Некоторое время – в международном отделе ЦК. Когда Сидихменов работал в журнале «Дружба», он отвечал за содержание каждого номера журнала на русском языке, который потом нужно было переводить на китайский. В редакции были переводчики-китайцы, но не очень хорошо знающие русский, неточно переводили. Поэтому 2-3 человека из наших выпускников работали в журнале переводчиками под руководством Сидихменова, что приносило им пользу в совершенствовании языка. Одна из китаистов (из нашей группы) – *Нина Кулебякина* была направлена по распределению на работу во Всесоюзное радио, где небольшая группа, пройдя там же специальные курсы, редактировала материалы для передач на Китай на китайском языке. *Юра Ганишин*²⁷ остался в МИВе, где преподавал курс экономики Китая. Учебника по этому предмету в то время не было. По окончании аспирантуры он издал учебное пособие по экономике Китая для ВУЗов. *Толю Мугрузина*²⁸ направили в Алма-Ату, где он работал как будто в НКВД Казахстана. Он был склонен к исследовательской работе и добился перевода на работу в Москву, поступил на работу в ИДВ АН СССР. В итоге, он стал

---

²⁶ *Сидихменов Василий Яковлевич* (1912–1996). Китаевед, к.э.н. (1961). Окончил востфак ДВГУ (1935). Преподаватель ДВГУ (1938–1940), ВИИЯ (1950–1953). Сотрудник ЦК КПСС (1956–1965). Сотрудник ИЭМСС (1966–1967), ИДВ АН СССР/РАН (1967–1996).

²⁷ *Ганишин Георгий Александрович* (1925–2005). Китаевед, к.э.н. (1951). Окончил МИВ (1948). Преподавал в МГИМО МИД СССР (1954–1959), декан восточного факультета. Сотрудник ИВ АН СССР (1959–1961), ИДВ РАН (1988–1998). Находился на дипломатической и партийной работе (1961–1989).

²⁸ *Мугрузин Анатолий Сергеевич* (1925–2000). Китаевед, д.э.н.(1988). Окончил МИВ (1948). Сотрудник посольства СССР в КНР (1948–1950). Научный сотрудник института китаеведения (1956–1961), ИВ АН СССР (1961–1967), ИДВ РАН (1967–2000).

специалистом по крестьянскому вопросу в Китае 1920–1930-х гг., опубликовал ряд интересных работ по этой теме. Андрей Дубровский после 4-го курса прошёл годовую стажировку в советском Посольстве в Китае. Затем, по окончании института, стал профессиональным дипломатом. Проработал в МИД и Посольстве СССР в Китае больше 30 лет и завершил карьеру в ранге советника-посланника. Ещё две выпускницы из нашей группы – Нина Наливайко и Слава Гуревич преподавали английский язык в школе. Нина уехала по распределению в Киев, где преподавала английский язык, а затем стала директором спецшколы с иностранным языком. А Слава поехала в сибирский город, откуда она родом, и сама устроилась там преподавателем английского языка, тоже в школе. *Сима Янкивер*²⁹ многие годы работала в группе по подготовке китайско-русского словаря под руководством *И.М. Ошанина*³⁰.

АВ: Кто из преподавателей на старших курсах запомнился вам?

АК: Ну, конечно, прежде всего, Николай Николаевич Коротков. Будучи завкафедрой китайского языка, он не вёл какого-либо специального курса. Но когда мы были на 4 и 5 курсах, он время от времени собирал все группы нашего потока и читал лекции по какой-либо определённой теме китайского языка или рассказывал о некоторых его особенностях, чего мы ни от кого другого не слышали. При этом он с таким увлечением и, я бы даже сказала, удовольствием преподносил нам предмет своего повествования, что заражал нас интересом к проблеме, и мы слушали его не отвлекаясь. Словом, это были серьёзные, полезные для нас, студентов, беседы.

Алексей Петрович Рогачёв, о котором я уже упоминала, также оставил в моей памяти благодарный след. Этот спокойный по натуре человек, видимо, с детства

---

²⁹ *Янкивер Сима Боруховна* (1923–2006). Китаевед-лингвист, к.филол. н. (1965). Окончила МИВ (1947). редактор ЦНИИГА (1947–1949), преподаватель ВИИЯ (1950–1952), МИВ (1952–1954), ГММО МИД СССР (1954–1957), сотрудник ИВ АН СССР (1957–1985). Исследовала грамматику китайского языка.

³⁰ *Ошанин Илья Михайлович* (1900–1982). Китаевед, д.филол.н. (1947), профессор (1948). Окончил МИВ (1924). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии Фэн Юй-сяна (1924–1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1982–1983). Лауреат Госпремии СССР (1986).

привык учить младших, будучи старшим ребёнком в большой семье. Когда мы читали с ним *Сань минь чжуи*, он иногда, «к слову», спокойно излагал своё понимание какого-либо положения учения Сунь Ят-сена, подчёркивая всегда, как глубоко *го фу* («отец республики») вникал в положение своей страны и своего народа. Возможно, неосознанно Алексей Петрович прививал нам интерес к науке. Это выражалось в том, что он всегда нас информировал о готовившихся научных конференциях востоковедов. На одной из таких конференций я впервые «вживую» увидела и слушала выступление академика *В.М. Алексеева*³¹, видела также *В.С. Колоколова*³², И.М. Ошанина, других выдающихся китаеведов. Хотя сам А.П. Рогачёв «чистой» наукой не занимался. Он преподавал и переводил крупные китайские произведения на русский. Так, в результате многих лет нелёгкого труда в 1955 г. вышел в свет в его переводе на русский, под редакцией В.С. Колоколова, двухтомный роман Ши Най-аня «Речные заводы», являющийся блестящим образцом китайской художественной классической литературы.

На старших курсах нас вводили в понятие о *вэньяне*³³. Но, в общем-то, эти уроки не были результативными, что главным образом зависело от личности преподавателя *Л.З. Эйдлина*³⁴. Он появлялся в институте один раз в неделю, в течение одного семестра. Мне даже неприятно вспоминать о нём, о его поведении, о его неуважении к студентам. Однажды, после грубой издевательской «остроты» в

---

³¹ *Алексеев Василий Михайлович* (1881–1951). Китаевед: литературовед, историк, знаток культуры Китая. Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Преподаватель СПбГУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947).

³² *Колоколов Всеволод Сергеевич* (1896–1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре. Окончил восточное отделение Академии РККА (1920–1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922–1937), ИКП (1935–1937), Высшей спецшколе РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957), МГУ (1951–1954). Работал в КУТВ (1923–1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925–1927), ИВ АН СССР (1949–1979).

³³ *Вэньянь* 文言 – букв.: «письменные речи». Архаичный письменный китайский язык.

³⁴ *Эйдлин Лев Залманович* (1910–1985). Китаевед, литературовед, д.филол.н. (1969), профессор (1969). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1944–1957, 1959–1985), Института китаеведения (1957–1959). Член Союза писателей СССР (с 1950). Заслуженный деятель науки РСФСР (1980).

адрес студентки Степанищевой, которая неверно перевела Кун-цзы (*Конфуция*)³⁵, он с торжеством воскликнул: «Крой дальше, Солдатищева!». В результате она ушла из института. С 4-го курса! Он не учил нас, а демонстрировал на уроках самолюбование, своё превосходство над окружающими, явно и неприлично переоценивая значимость своей личности как китаевода. Даже хвалился, какой он выдающийся поэт-переводчик китайской поэзии на русский. Стихотворения в его переводе на русский якобы звучат более поэтично.

Из студентов-некитаистов нашего курса вышел ряд видных учёных, некоторые стали и государственными деятелями. Это прежде всего Вадим Румянцев, очень способный, умный, большой трудяга без всяких срывов в поведении человек. Он окончил турецкий сектор, затем поступил в Дипакадемию МИД СССР, где освоил арабский язык. По окончании академии у него было 3 языка – турецкий, арабский и английский. Он работал несколько лет в двух или трёх арабских странах, в советских посольствах. А потом был заведующим сектором отдела ЦК. Я там уже не работала. Но мы старую студенческую дружбу сохранили. И затем, поскольку арабских стран много, и там в 1960–1970-х годах происходили серьёзные события, Румянцева назначили заместителем заведующего отделом ЦК, как хорошо знавшего этот регион. К сожалению, Вадим трагически погиб в Сочи во время отпуска в 1965 г. Я там отдыхала в соседнем санатории в то же время, когда и они с женой. И вдруг, при моём отъезде в Симферополе ко мне подошёл мужчина и сказал, что он видел меня в обществе с четой Румянцевых. «Да, мы учились в одни годы в одном институте. А что такое?» – спросила я. И он сообщил печальное известие: «Вадим вчера умер». Это было очень странно: мы именно вчера виделись с ним. Как рассказал этот собеседник, Вадим играл в волейбол и потом, приняв душ, прилёг отдохнуть. И тут, как рассказывала его жена, врач попросил, чтобы он немедля подошёл к телефону. Звонил завотделом ЦК *Б.Н. Пономарёв*³⁶, который в

---

³⁵ *Конфуций* 孔夫子 (Кун-цзы 孔子 – Учитель Кун) (552/551 до н.э. – 479 до н.э.). Великий философ, основатель конфуцианства. В истории цивилизации Конфуция ставят в один ряд с основателями мировых религий: Иисусом Христом, Буддой и Мухаммедом.

³⁶ *Пономарёв Борис Николаевич* (1905–1995). Партийный деятель. Член РКП(б) (1919). Окончил МГУ (1926), ИКП (1932). Замдиректора ИКП (1932–1934). Помощник главы ИККИ Г. Димитрова

грубой форме отчитал Вадима: «Ты что там греешься на солнышке! ... Немедленно выезжай, тут такие события! Ты знаешь об этом и продолжаешь отдыхать?!». Эту версию событий сообщил мне тот же человек, со слов теперь уже вдовы Румянцева. И у Вадима Румянцева ночью случился инфаркт. Пока нашли врача, дело было ночью, прошло 2 часа. Врач пришёл когда Вадим уже скончался. Ему было 40 лет.

Об Андрее Дубровском и его карьере я уже упоминала. Наши дружеские отношения в институте сохранились и позже, когда у нас уже были семьи. Дубровский однажды мне очень помог в Китае, когда я прилетела в научную командировку в 1959 г., будучи аспиранткой АОН при ЦК КПСС. Тяжёлый год, когда между КПСС и КПК фактически не было отношений.

АВ: Когда вы пришли, у вас в рабочем кабинете была такая компания: генсек компартии Индонезии, опытные партийно-политические работники, и не только. Какие у вас ощущения от общения с этими людьми?

АК: Знаете, я от общения с ними вынесла так много, что этого в двух словах не рассказать. Во-первых, начнём с генерального секретаря Мановара Муссо. Это был огромный мужчина, ростом 2 метра 20 см. Он жил в гостинице «Люкс», теперь она, кажется, называется «Центральная». Там жили приезжавшие в Москву руководящие деятели Коминтерна, генеральные секретари коммунистических и рабочих партий.

Муссо ходил на работу и с работы всегда пешком. Это недалеко – от Старой площади до ул. Горького, ныне Тверская, дом 10. И вот он идёт после работы по ул. Горького, где всегда много народа, и все оборачивались и смотрели вслед этому «гиганту». Добрейший человек. Он очень любил свою страну. Немного говорил по-французски, мог кратко изложить свою мысль по-английски. Так что со мной он общался, как мог, на английском языке. Когда он входил в наш большой рабочий кабинет, он подходил ко мне и приветствовал рукопожатием, в котором моя рука

(1936–1943). Начальник Совинформбюро при Совмине СССР (1947). Завотделом по связям с иностранными компартиями при Международном отделе ЦК КПСС (1955–1986). Кандидат в члены ПБ ЦК КПСС (1972–1986). Академик АН СССР (1962). Руководитель коллектива авторов учебника по истории КПСС (1960, 1971–1974). Редактор многотомной истории КПСС. Отв. редактор 10-томника «История СССР с древнейших времён до наших дней» (1963).

просто тонула. Зная уже, что я выпускница МИВ, Муссо интересовался, нет ли в этом институте студентов из Индонезии и советских преподавателей, знающих малайский язык, не готовят ли в институте специалистов по Индонезии. Мановар Муссо рвался на родину, всё время говорил, что без него руководство КПИ не решается на активные действия. А как нужно бороться с врагом, он изображал действием: широко раскладывал в стороны руки, сжимал кисти в кулаки, потом резко ударял ими друг о друга. Таким образом, его позиция была понятна нам без слов. «Я поеду, и мы пойдём напролом», – так примерно мы понимали его выражаемые им намерения. В Международном отделе ЦК его пытались удержать от возвращения в Индонезию, считая обстановку в Индонезии именно в тот момент неблагоприятной для восстания. А он считал, что именно тогда пришёл момент для решительных действий. Обо всём этом я узнала позже, когда работала в отделе ЦК. Но Муссо всё-таки добился, что ему разрешили выехать на родину. На прощанье он подарил мне книгу с дарственной надписью. Мы устроили ему товарищеские проводы. Летел Муссо через Китай. В сентябре-октябре 1948 г. в Индонезии произошли Мадунские события, спровоцированные реакцией. Муссо погиб.

Интересной фигурой в нашем маленьком коллективе, безусловно, был Дмитрий Андреевич Годунов. В НИИ №205 он пришёл, как я упоминала, за 10 дней до начала моей работы в этом институте. Дмитрий Андреевич – мужчина невысокого роста, плотного атлетического телосложения, примерно лет 40–42. Только в начале 2000 г. в документах архива я случайно обнаружила ряд его писем из Китая 1944–1946 гг., адресованных Георгию Димитрову. В 1943 г. Годунов был командирован в Китай в качестве советского советника по экономическим вопросам. Одновременно он регулярно направлял информационные письма на имя генерального секретаря ИККИ Димитрова. Не собираюсь пересказывать информацию, содержащуюся в его письмах, но с уверенностью могу сказать, что она содержала ответы на важные вопросы, интересовавшие Москву, включая сообщения о положении в разных районах Китая, которые он получал из разных источников, в том числе от его коллег, работавших в Китае. Работая в Китае он побывал в ряде городов и регионов этой страны. В частности, он дал подробную информацию с Юга Китая, из

провинции Юньнань, о том, что там делают американцы. В его письмах также содержится запись бесед с руководящими деятелями КПК, в том числе с Мао Цзэ-дуном, *Чжоу Энь-лаем*³⁷, *Дун Би-у*³⁸ и другими, а также многочисленные сведения по вопросам состояния единого антияпонского фронта и политики и тактики в нём КПК и Гоминьдана, подробные сообщения о ходе переговоров в Чунцине в 1945 г. и множеству других. Он также сообщал об ограниченных контактах с представителями руководства КПК, а это всё-таки закрытая по ряду вопросов организация. Мы можем обо всём договариваться, просто друзьями быть, домой приглашать друг друга. Но у китайцев есть какой-то рубеж, который они не переступают никогда при контактах с иностранцами. Это остаётся такой китайской зоной. Например, как рассказывали мне знатоки чайна-таунов, имеющих в во многих странах мира – ни один из иностранцев проникнуть вглубь этих национальных сообществ никогда не сможет. Он может торговаться, покупать, вести деловые обсуждения, но китайцы имеют свои тайны, национальные, которыми они очень дрожат и не выбалтывают иностранцам лишнего. У меня сложилось впечатление, что это одна из национальных особенностей китайского общества. И в этом, на мой взгляд, нет ничего плохого. Действительно, зачем выкладывать иностранцам всю подноготную своей родины?

АВ: И такой границей, как вы говорите, для них было что-то в рамках их контактов с Годуновым? То есть, китайцы могли не обсуждать некоторые вопросы даже с представителями СССР, КПСС и Коминтерна?

---

³⁷ *Чжоу Энь-лай* 周恩來 (1898–1976). Партийный и государственный лидер. Член КПК (с 1922), ЦК КПК (1927) и ПБ ЦК КПК (1928). Возглавлял бюро ЦК КПК Центрального советского района (1931–1934). Представлял КПК при гоминьдановском правительстве в Нанкине и Чунцине (1937 – 1945). Премьер Госсовета КНР (1949–1954), министр иностранных дел КНР (1949–1958). Зампредседателя ЦК КПК (1956–1966 и с 1973). После гибели министра обороны КНР Линь Бяо (1971) стал второй после Мао Цзэдуна фигурой в руководстве Китая. Умер в Пекине.

³⁸ *Дун Би-у* 董必武 (1886–1975). Революционер, партийный и государственный. Один из основателей КПК (1921) и КНР (1949). Представитель первого поколения лидеров КПК. Учился в КУТК им. Сунь Ят-сена и Ленинской партийной школе в СССР (1928–1932). Член Политбюро ЦК КПК (с 1945), председатель Верховного народного суда КНР (1954–1959), зам. председателя КНР (1959–1975, вместе с Сун Цин-лин). В годы «культурной революции» в 1970-х гг. исполнял обязанности Председателя КНР. Депутат ВСНП (1975).

АК: Вот, например, был интересный для Москвы вопрос в 1940-х годах, особенно ближе к VII съезду КПК (1945 г.): что происходит с *Ван Мином*³⁹? Он ведь с 1931 г. до осени 1937 г. работал в составе делегации КПК в Коминтерне. Объясните, пожалуйста, что с ним происходит сейчас, в чём он заблуждается? И всякий раз, когда обращались к кому-либо из руководства КПК с этим вопросом, в том числе и Годунов, они в ответ говорили примерно одно и то же, вроде: «Вы знаете, он немножко болен. Мы всячески стараемся ему помочь и просим, чтобы из Москвы присылали для него лекарства». Добавляют, что руководство КПК его не тревожит и работой не перегружает. И это всё, никаких подробностей! То же самое по некоторым другим вопросам, в каком-то смысле щекотливым для руководства КПК, но интересовавшим в то время Москву, представители руководства КПК деликатно уходили от ответа по существу. Разумеется, КПК была уже опытной, боевой, сильной, самостоятельной, авторитетной в рядах международного коммунистического движения партией, крупнейшей после ВКП(б) секцией Коминтерна, пока он существовал, а позже – международного комдвижения, что предполагало определённые нормы взаимоотношений. Это непростой вопрос. Фактически после роспуска Коминтерна партия не несла обязательств отчитываться обо всём перед кем бы то ни было.

Так вот, Годунов рассказывал мне о таких интересных эпизодах, событиях, действовавших политических и общественных деятелях разных направлений в Китае, о которых ни в каких книгах не прочитать ... Часто мы с Годуновым шли с работы пешком до станции метро или остановки трамвая. И всякий раз он рассказывал что-то новое и захватывающе интересное для меня, отвечал на вопросы. Несмотря на то, что в 1947 г. мне было 23 года, и я была ещё начинающим китаистом, он как-то поверил в меня и у нас сложились доверительные отношения. Последнее – большое преувеличение. Я-то ничего не могла «доверять» Годунову,

---

³⁹ *Ван Мин* 王明 (Чэнь Шао-юй, 1904–1974). Революционер, партийный и государственный деятель. В 1930-х гг., при поддержке руководства СССР и Коминтерна, практически возглавлял центральные органы КПК, был активным оппонентом Мао Цзэ-дуна. После образования в 1949 г. КНР попал в опалу, после чего уехал в СССР, где прожил до конца жизни.

что могло быть для него интересным. В моей памяти осталось многое, о чём мне рассказывал Дмитрий Андреевич, и я не раз вспоминала с благодарностью различные эпизоды из его рассказов. Приведу хотя бы краткие данные о том, когда и при каких обстоятельствах Годунов был командирован в Китай. По окончании в 1941 г. китайского отделения МИВ, когда Дмитрию Андреевичу было 35 лет, он был направлен комиссией ЦК ВКП(б) в распоряжение Димитрова. Проработав 2 года в Коминтерне, в 1943 г. Годунов был командирован Димитровым в Китай для исполнения особого задания. С 1943 г. по июль 1947 г. он числился старшим советником Торгпредства СССР в Китае. Работал в основном в Чунцине, где во время войны сопротивления Японии располагалось китайское правительство. Там же находились представительства КПК и её армии, во главе с Чжоу Эньлаем, для контакта с Гоминьданом и командным составом НРА. С самого начала работы в Китае Годунов направлял в адрес Димитрова, даже когда тот уже работал в Болгарии, информационные письма по интересовавшим Москву вопросам. Но обо всём этом Годунов никогда не упоминал при наших разговорах. Я узнала об этом лишь в начале 2000-х годов, как уже говорила, ознакомившись с десятками его писем из Китая.

Теперь о А.И. Когане, которого мы просто называли Сашей, хотя ему было уже под 40 лет и в 1947 г. он являлся завсектором и секретарем парторганизации института. Коган рано лишился родителей и вырос в детском доме. Был счастлив, что у него есть теперь своя семья – жена и двое детей, о которых он часто рассказывал. До работы в НИИ №205 у него уже был немалый послужной список. В 1936–1938 гг. – сотрудник Института красной профессуры, затем 2 года – младший научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики. В 1939–1943 гг. почти 5 лет работал в структурах Коминтерна сотрудником Отдела международных связей ИККИ, референтом, затем старшим референтом Отдела кадров ИККИ. Работая в НИИ №205 я видела, что он больше склонен к исследовательской работе и время от времени готовил аналитические записки по текущим актуальным проблемам Китая, которые направлялись в отдел ЦК. Если у

меня возникали какие-либо вопросы при чтении прессы КПК, я обращалась к нему. Саша всегда был на месте и с готовностью давал исчерпывающие пояснения.

В институте в целом была атмосфера товарищеского уважения и доверия. Ведь подавляющее большинство его сотрудников – бывшие работники аппарата ИККИ, единомышленники. Сотрудники разговаривали между собой на ты.

АВ: Большой институт был?

АК: Когда институт создавался в 1943 г. в нём работало, как теперь стало известно, более 200 сотрудников. Но после окончания 2-й мировой войны более 140 иностранцев уехали на родину. В 1947 г. в институте работало около 160 сотрудников. Значительно позже в исследовательской работе мне постоянно приходилось обращаться к документам Коминтерна: история КПК и советско-китайские отношения 1920–1940-х годов – без документов Коминтерна не обойтись, при анализе стратегии и тактики КПК в едином антияпонском фронте документы Коминтерна также необходимы. Ведь у КПК, пока существовал Коминтерн, прямой письменной связи с ВКП(б) во время антияпонской войны не было, она поддерживалась через Коминтерн.

АВ: Неужели это было так?!

АК: Да. Например, Мао Цзэ-дун или ЦК КПК обращались по какому-либо важному для КПК текущему вопросу фактически к руководству КПСС, но шифротелеграмма направлялась на имя Г. Димитрова. Прямой связи не было, поскольку существовал единый антияпонский фронт и у гоминьдановского правительства могли появиться претензии к Советскому Союзу за тайную от него помощь КПК. Вторая причина состояла в том, что, несмотря на шифровки, были случаи, когда их расшифровывал противник. Этим искусством особенно хорошо владели японцы. И даже в Москве в мирное время, когда на всех спецквартирах имелась, казалось бы, совершенно закрытая ВЧ связь, тем не менее, в отделе ЦК, если была возможность личного контакта, особенно с нелегальным гостем из какой-либо компартии, предпочтение отдавалось личным контактам.

Информация, которую присылал на имя Димитрова, в частности, Д.А. Годунов, без преувеличения, в большей мере интересовала советское руководство, чем Коминтерн. Но информация шла через последний.

АВ: Мы остановились на том, что вы выполнили два задания, переданные от Ковалёва.

АК: В перерывах между заданиями во время работы в НИИ №205 мне всё время приносили для перевода газеты с помеченными синим карандашом статьями.

АВ: Свежие газеты были?

АК: Наверное, те, которые только что приходили в отдел ЦК к Ковалёву.

АВ: Какой была задержка между выпуском газеты и получением?

АК: Задержка, конечно, была с неделю – дней десять. Печать поступала через посольство и по другим каналам. Свежие газеты появлялись лишь тогда, когда кто-либо прилетал в Москву из Китая в командировку или в отпуск.

АВ: Как вы оказались в Отделе внешней политики ЦК КПСС после роспуска НИИ №205?

АК: После принятого в марте 1948 г. решения о расформировании НИИ №205 началось распределение сотрудников в другие учреждения.

АВ: А это чьё решение было?

АК: Думаю, это решение было принято Политбюро ЦК партии, но документ об этом не видела. Где-то числа 5-7 апреля директор НИИ Н.Н. Пухлов дал мне номер телефона, назвал имя и отчество лица, кому я должна позвонить, и сказал, что этот человек хочет со мной побеседовать. Добавил, что мне нужно пройти в 3-й подъезд основного здания ЦК. «Позвоните, вам всё расскажут». Я спустилась в свою рабочую комнату, немедленно позвонила. Ответ был таков: «Вы приходите, пожалуйста, минут через 30-40. Когда будете идти к 3-му подъезду, зайдите в бюро пропусков, там для вас будет пропуск». Я всё это выполнила. Он ещё сказал: 3-й этаж, такой-то кабинет. Всё это я нашла, пришла, поздоровалась. Этот человек никак не представился. Первый вопрос, который он мне задал: «Вы сегодня газету “Правда” читали?». Я сказала, что с утра просмотрела кое-что. «Кстати, – добавила я, – там сегодня маленькая такая интересная статья есть. Вот я её прочитала». «Что

это за статья?» – поинтересовался он и попросил кратко рассказать её содержание. После этого спросил, интересна ли эта статья для меня. «Я думаю, что она для всех интересна, кто читает “Правду”». Он задал несколько странных вопросов, как мне показалось, не имеющих к делу отношения. И потом вдруг спрашивает: «А где сейчас служит ваш брат?» Я так перепугалась, подумала: наверное, с ним что-то случилось! «Он служит сейчас там, где и в войну служил, – сказала, – на Северном флоте, в морской авиации». Потом он набрал какой-то номер телефона, что-то сказал, и минуты через две вошёл Аганесов, начальник канцелярии отдела ЦК. На этом посту он работал все годы, когда я там работала, и позже. Мой собеседник сказал ему: «Теперь вы займитесь Анастасией Картуновой». Я поблагодарила, попрощалась. Больше я его никогда не видела. Аганесов привел меня в кабинет, дал мне анкету заполнить и сказал, чтобы я написала автобиографию. Когда я всё это выполнила, он спросил, где я сейчас живу. Ответила, как есть, что раньше жила в общежитии, но сейчас уже месяца два снимаю комнату в Сокольниках, недалеко от МИВа. «Ну, хорошо, телефона у вас, конечно, там нет», – уверенно констатировал Аганесов. Пока же я и другие сотрудники НИИ №205 ходили на работу, хотя никаких заданий по существу не выполняли. Шли волнения: кто куда будет направлен. Примерно через неделю меня вызвал директор НИИ №205 и сказал: «Вопрос о вашей работе решён, вы утверждены и зачислены в штат сотрудников аппарата ЦК КПСС, в Отдел внешней политики ЦК. Теперь вы пройдёте туда, пропуск для вас там уже есть. Я собралась, зашла к Пухлову, попрощалась с ним. В отделе ЦК встретил меня Аганесов, который представил меня Ковалёву, заведующему сектором стран Дальнего Востока. Это было первое знакомство с Евгением Фёдоровичем Ковалёвым. Беседа была непродолжительной, потом я поняла, что в тот день он был очень занят. Ковалёв сказал, что в секторе очень много работы по Китаю, а китаистов нет. «Ну, теперь у нас появился молодой китаист, и я очень приветствую ваш приход к нам. Я попрошу вас, мы встретимся с вами часа через два». А пока он попросил Аганесова отвести меня к месту работы и рассказать всё, что необходимо. Аганесов привёл меня в кабинет, указал на мой рабочий стол. «А это ваш личный телефон. Запишите свой номер». В кабинете был

ещё один стол, за которым работала женщина. У неё тоже был свой личный телефон. «Вот, значит, если что-то надо, обращайтесь в мой кабинет. Вы, наверное, сегодня не обедали, так у нас на первом этаже есть буфет», – разъяснил Аганесов и ушёл. Я не пошла в буфет, поскольку не знала, когда Евгений Фёдорович освободится и пригласит меня на беседу. Но оказалось, что он, действительно, в тот день был очень занят. Часа через два, а может быть через три, он сам зашёл за мной и пригласил в свой кабинет: «Извините, так случилось, что у меня не было времени». Он перечислил по фамилиям всех сотрудников руководимого им сектора по связям с компартиями Китая, Японии, Монголии (МНРП) и КНДР.

АВ: Вьетнама там не было?

АК: Вьетнама не было. Ковалёв рассказал, что по Китаю фактически у нас работает один Т.Р. Рахимов, но он, как уйгур по национальности, знает язык Синьцзяна, поэтому занимается только Синьцзяном и иногда, очень редко, какими-то общими вопросами, связанными с Китаем. «Поэтому вам придется плотно заниматься Китаем». Для начала, наверное, недели две, он попросил меня очень внимательно следить за всеми сообщениями ТАСС из Китая. Я получала ежедневно большие стопки сообщений ТАСС, в основном по Китаю. «Если что-то чрезвычайное, – пояснил Евгений Фёдорович, – я не всегда успеваю это всё просмотреть, – вы мне немедленно докладывайте». Даже меньше двух недель не прошло, как он меня пригласил и сказал: «Вы знаете, мы тут будем одну записку готовить и я Вас попрошу, попробуйте написать вот по такому-то вопросу всё, что у нас пока есть по Маньчжурии, что происходит в политической жизни, и как идут реформы». А там уже было начало аграрной реформы, восстанавливалась экономика. Мне это было знакомо по работе с печатью в НИИ №205.

АВ: Это был 1948 год?

АК: Это было начало мая 1948 года. Всё, что я могла, сделала. Машинистки (тогда не было компьютеров) отпечатали, я отредактировала раз, затем – два, потом – три. Не хотелось выглядеть плохо. Принесла Евгению Фёдоровичу примерно две с половиной страницы обо всём этом, он просил излагать коротко. В моём присутствии бегло просмотрел и сказал: «Хорошо! Ладно. Сейчас пока вы

свободны». Самым трудным для меня в то время был перевод рукописных писем. Их было немного, но это была труднейшая работа! Понимаете, у меня никакой практики в этом деле не было. Это же фактически бывает иногда скоропись. Евгений Фёдорович понимал, что это за работа, и не торопил меня. Ковалёв вначале работал в Посольстве СССР в Нанкине, а во время войны – в Чунцине. И, наверное за год до этого, в 1947 или 1946 году, был направлен на работу в аппарат ЦК.

АВ: Он знал китайский язык?

АК: Евгений Фёдорович знал китайский, японский, английский и французский. Он, я чувствовала уже по работе с ним, когда хорошо познакомились, был склонен к научной работе, но поскольку состоялось решение о его работе в отделе ЦК, полностью включился в эту работу. Моя работа по переводу писем начиналась с того, что вначале я могла понять только отдельные иероглифы, потом как-то по два-три, и в общем, наверное, в течение недели у меня складывалось впечатление о содержании. Но одно дело – содержание, а нужен же точный перевод! И это требовало дополнительного времени. Так что на одно письмо у меня уходило дней семь-десять. Это не значит, что в такие дни я занималась только расшифровкой писем. Может быть, час-два часа в день.

АВ: А вы ни к кому не могли обратиться за консультацией?

АК: А к кому? У нас китаистов, кроме Ковалёва, в секторе не было.

АВ: Например, пойти в Институт востоковедения?

АК: Нет, это же секретная работа!

АВ: А чьи это были письма? Вы не помните, кто писал эти письма на китайском языке?

АК: Поименно я не буду называть, но в основном это были коммунисты. Писем было немного. Допустим, в месяц одно-два из трудночитаемых. Я упомянула об этом просто потому, что это на том этапе было для меня самой трудной работой. Потом, когда была провозглашена КНР, я этим уже не занималась. Возможно, писем не было, а если и были, то их, наверное, как-то прочитывал Евгений Фёдорович. Вот таким было начало работы. Об этом отделе ЦК нужно сказать особо. В начале он функционировал с 1943 года как Отдел международной

информации ЦК ВКП(б). Его возглавлял Георгий Димитров. Ну, вы понимаете, после того как Коминтерн перестал существовать, работа не могла прекратиться. Поэтому функции Коминтерна по связям с компартиями перешли к этому отделу.

АВ: То есть этот отдел создали сразу после роспуска Коминтерна?

АК: Да, решением Политбюро ЦК, по инициативе Сталина. Коммунистические партии без связи нельзя было оставить. Затем, с конца 1945 года, когда Димитров уже работал в Болгарии (он был генеральным секретарем Компартии Болгарии), этот отдел постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был переименован в Отдел внешней политики ЦК. При отделе находились специалисты из Коминтерна, в основном они были размещены в номерных институтах: Институте №100, НИИ №205 и Институте №99. Решением Политбюро от 10.07.1948 Отдел внешней политики был переименован в Отдел внешних сношений КПСС. Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б) работала с апреля 1949 г. до марта 1953 г., когда, по постановлению Президиума ЦК КПСС, она была реорганизована в Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. В феврале 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о реорганизации Отдела ЦК по связям с иностранными компартиями, и были созданы 2 отдела – Международный отдел ЦК по связям с компартиями капиталистических стран и Отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Дальше я буду называть его просто отделом ЦК. Во всех этих структурах, в общем-то, сохранялся основной кадровый состав отдела. Но приходили и некоторые новые специалисты – в основном партийные работники КПСС и бывшие работники Коминтерна. Когда я пришла туда работать, в тот год было набрано в отдел ЦК человек десять, только что окончивших институты с языками тех стран, по которым они специализировались.

АВ: Там были ещё востоковеды, в том числе среди этих десяти человек?

АК: Да, были востоковеды были из МИВ и Военного института иностранных языков. Из МИВ пришли годом позже меня с арабским языком Тамара Городовикова и с турецким – Вера Савельева. Из ВИИЯ – четыре молодых офицера, в том числе в наш сектор – специалист по Корее Николай Шубников, который

проработал в этом отделе лет 20-25 и завершил свою карьеру послом СССР в КНДР. Было ещё несколько человек из молодого пополнения со знанием языков западных стран. Многие работавшие референты были опытными партийными работниками, но без знания языка страны, которой занимались.

АВ: Вы говорите: инструктор и референт. То есть, основной единицей был инструктор. А какой статус имел референт?

АК: Референт в Международном отделе являлся ответственным работником, как инструктор в других отделах ЦК.

АВ: Понятно. Когда говорили «ответственный работник ЦК», то это значило «референт» и выше?

АК: Да. А выше – это завсектором, зам. завотделом, завотделом. Но мы, переводчики, младшие референты, не были ответственными работниками. Это другая категория.

Я бы хотела упомянуть о режиме работы в отделе ЦК в то время. Работа начиналась с 11 утра и продолжалась иногда до 12 и до часа ночи. Это зависело от обстановки и задач, которые в тот день должен был решать сектор. Поскольку Сталин работал ночами, то в приёмной заведующего нашего отдела оставался обязательно на ночь дежурный. Мы дежурили все по очереди: и референты, и младшие референты. Какова была задача? Если «сверху» есть звонок или какой-то вопрос по проблеме, которой занимается отдел, мы немедленно должны были звонить: в приёмной завотделом находился список телефонов сотрудников. Прежде всего, звонили в гараж, заказывать машину на адрес проживания специалиста. Затем звонили и поднимали человека, чтобы он спускался вниз и немедленно приезжал.

АВ: А сектор ваш был большой?

АК: Да, сектор был сравнительно большой. Сектор поддерживал связи с компартиями стран Дальнего Востока и изучал положение в них. По Китаю у нас работали, кроме Евгения Фёдоровича и меня, Т.Р. Рахимов, о котором уже говорила, Николаев – без определённой квалификации, бывший сотрудник аппарата Коминтерна. Он занимался либо какой-либо оперативной, либо организационной

работой. В 1950-м г., после окончания Военно-дипломатической академии, в сектор пришел И.С. Щербаков. Язык-то он не очень знал, но Китаем в академии явно занимался. Это и был весь наш состав по Китаю. Один сотрудник в секторе занимался Монголией. У меня с ним как-то не пересекались пути. По Корее был Шубников. По Японии вначале был только один референт – Калинин Иван Петрович, замечательный совершенно человек с большим опытом работы. Потом, года через полтора-два, появился офицер, блестяще знавший японский и Японию. Откуда он пришёл, не знаю. Ещё была, вроде как считалось с японским языком, девушка Зоя. Я не помню сейчас её фамилии.

АВ: А Щербаков, он потом работал в посольстве?

АК: Да, с 1955 г. он стал завсектором, после Е.Ф. Ковалёва. Позже был послом СССР во Вьетнаме, а после Вьетнама долгое время послом в КНР в Пекине. Редкий службист и очень собранный человек. Он по происхождению откуда-то из Приуралья. Был директором средней школы, а в финскую кампанию 1939 г. мобилизован в армию, где служил замполитом какого-то подразделения. После финской кампании его направили на учёбу в Военно-дипломатическую академию.

Работы в секторе всегда было много и никто никогда не жаловался, что задерживается или перегружен. Это была нормальная работа, но не определённая по времени. Вообще было не принято за переработанные субботы и воскресенья давать какие-нибудь выходные. Этого не было. Мы могли работать подолгу, к примеру, с коммунистами какой-либо страны или делегациями, но об «отгулах» никогда не шла речь.

АВ: А вы продолжали сидеть в комнате вдвоём?

АК: Да. Это технический секретарь сектора, раньше работала в Коминтерне. Но вместе мы работали в одном кабинете недолго.

С конца 1948 – начала 1949 года Евгений Фёдорович стал направлять ко мне корреспондентов газет. Все хотели, чтобы кто-нибудь написал в их газету из отдела ЦК о том, что происходит в Китае, особенно в Маньчжурии, потому что там шла большая работа по восстановлению экономики, строилась новая жизнь. Евгению Фёдоровичу было некогда этим заниматься, Рахимов не мог это сделать, Щербакова

ещё не было. Поэтому Ковалёв направлял корреспондентов ко мне. И вот это явилось началом моей маленькой публикаторской работы. Звонили из городских газет, например, и Ковалёв просил не отказывать в их просьбах. Эти статьи носили, я бы так сказала, в основном информационно-исследовательский характер, больше информационный. Но они их устраивали потому, что я писала на свежем материале.

Шёл 1949 год. И вот в июне, когда я как раз была впервые в служебном отпуске и отдыхала в Подмосковье, не прошла и неделя как приехал сотрудник отдела Карл Афанасьевич, занимавшийся Грецией. Увидела его сидящим у моей палаты в ожидании, когда вернусь с прогулки. «Наконец-то ты пришла, – обрадовался Карл. – Давай, собирай чемодан». Я спрашиваю: «Что случилось, землетрясение?» ... «Скорее собирайся, – был ответ, – я тебе потом расскажу». Я собралась, сели в машину и я прошу его рассказать, по какому поводу такая спешка. «Ну, кто-то там завтра прилетает из Китая и мне начальство сказало, чтобы я тебя “доставил немедленно”». Мы поехали. По пути говорю Карлу: давайте закинем мой чемодан домой и потом поедем в отдел. «Давай я доставлю тебя начальству, а потом ты делай, что твоей душеньке угодно», – отклонил он моё предложение.

АВ: У вас тогда уже решилась проблема с жильем?

АК: Это уже когда я в отделе ЦК начала работать. Там сразу спросили, где я живу. Я снимала в то время комнату в Сокольниках. «А как же при такой зарплате, всё-таки небольшой, вы обходитесь? Надо решить вопрос», – сказали мне. Вскоре мне предложили комнату площадью 9 кв. метров в коммуналке. В той квартире жили двое одиноких людей, одна семья из четырёх человек и одна старенькая супружеская пара. Так что, это была коммуналка в худшем виде, но я не задумываясь согласилась, мне надо было иметь свое жильё.

АВ: Из-за кого же вам пришлось прервать свой отпуск?

АК: Мы приехали, Карл привёл меня к Ковалёву, который посочувствовал, что так случилось, что прервали отпуск, и пояснил: «Тут дела вот какие: завтра

прилетает Цзян Цин⁴⁰, жена Мао Цзэ-дуна. Вы поедете вместе со мной встречать её. Сейчас идите к заведующему отделом В.Г. Григорьяну⁴¹, а потом ко мне придёте и мы договоримся о завтрашней поездке. Я пошла к Григорьяну. Он предложил мне присесть и сразу перешёл к делу. Сказал, что передо мною будет большая задача. Приезжает на лечение жена Мао Цзэ-дуна. Григорьян освобождал меня от всех работ в отделе, чтобы заниматься только Цзян Цин. Как-то мне это было странно. Под конец короткой беседы спросила, а какие задачи у меня в этой работе конкретно? Ваган Григорьевич объяснил, что задачи небольшие: чтобы Цзян Цин чувствовала себя как дома, чтобы я немедленно организовывала выполнение всего, что ей будет нужно, чтобы обращалась в любое время к нему лично, если это крупные вопросы и без него я не смогу их решить. А если его не будет – к Пухлову, который после закрытия НИИ №205 заведовал сектором по части обслуживания иностранных гостей. В общем, Григорьян заверил меня: «Мы постараемся решить любые вопросы, которые будут возникать у Цзян Цин. Главное, чтобы у неё успешно шло лечение, чтобы было хорошее настроение». «Ничего себе, небольшие вопросы!» – подумала я.

На следующий день мы поехали встречать Цзян Цин. Её вынесли из самолёта на носилках, при ней был врач А.Я. Орлов, генерал медицинской службы, связник Сталина в Китае, и ещё кто-то был из руководства другого отдела ЦК. Никто подходить к Цзян Цин не стал. Её сразу увезли в отведённый для неё загородный особняк. Мы с Ковалёвым вернулись в отдел, а на следующий день мне сказали, что за мною закреплена такая-то машина, что в любое время я вызываю её и еду по

---

⁴⁰ Цзян Цин 江青 (1914–1991). Актриса, политический деятель. В 1938 г. стала женой Мао Цзэ-дуна и вошла в правящую элиту Китая. Играла большую роль в руководстве «культурной революцией». После смерти Мао в 1976 г. причислена к «Банде четырёх». В ходе показательного процесса осуждена за преступления периода «культурной революции» и прочие «ошибки» периода правления Мао.

⁴¹ Григорьян Ваган Григорьевич (1901/1902–1983). Член РКП(б) с 1920 г., кандидат в члены ЦК КПСС (1952–1954), депутат Верховного Совета СССР 2 и 3 созывов. В 1949–1953 – председатель Внешнеполитической комиссии ЦК (Комиссии ЦК по связям с иностранными компартиями), завотделом ЦК по связям с зарубежными коммунистическими партиями (Международный отдел ЦК КПСС), с марта 1953 г., по указанию Л.П. Берии – член коллегии и завсектором МИД СССР, уполномоченный ЦК КПСС по Аджарской АССР.

любимым делам, связанным с нашей гостьей. «Завтра с утра поезжайте к Цзян Цин. Шофёр знает куда. Там же будет сопровождавший её врач и, может быть, кто-то из других медиков – таково было указание. Я приехала, мы познакомились. Это была первая, так сказать, живая представительница китайской нации, с которой у меня началась практика разговорного китайского языка. Работа с Цзян Цин – это очень длинная история. Первый её приезд в Москву на лечение в 1949 г. продолжался 6 месяцев. Кроме Москвы она отдыхала в Крыму. Второй её приезд на лечение состоялся с 1952 на 1953 год, когда Цзян Цин провела девять месяцев в Москве, больше в Подмосковье. Всё это время у меня были с нею постоянные контакты. Ездил я с ней в 1949 г. и в Крым, где она занимала 1-й этаж дворца князя Юсупова. Это прекрасное в архитектурном отношении здание. Несколько позже туда же приехал из Чехословакии генерал *Людвик Свобода*⁴² с женой Ирэнной и молодым офицером, его адъютантом, которые разместились на 2-м этаже. В Крыму с Цзян Цин находилась Линь Ли, дочь члена Политбюро ЦК КПК Линь Бо-цюя (Линь Цзунхань). Линь Ли окончила среднюю школу в интернациональном детском доме в Иваново, отлично знала русский язык. Во время войны работала в Коминтерне в Уфе. Это была прекрасная девушка, она томилась от работы с Цзян Цин, как ей казалось, работы совершенно никчемной для неё. А работать с Цзян Цин её подключили по указанию руководства КПК.

АВ: Она была переводчицей?

АК: Она официально считалась личным секретарём-переводчиком Цзян Цин. В то время Линь Ли проезжала через Москву с делегацией во главе с Чжоу Энь-лаем из Европы. В Чехословакии проходил съезд Всемирного совета мира. Китайская делегация как будто останавливалась на пару дней в Москве. А потом пришёл Чжоу Энь-лай и сказал Линь Ли, что ЦК оставляет её здесь, работать с Цзян Цин. С Линь Ли у нас сложились хорошие отношения, которые позже поддерживались долгие годы. Рассказывать о работе с Цзян Цин я здесь не буду. Это большая отдельная

---

⁴² *Людвик Свобода* (1895–1979). Чехословацкий военный и государственный деятель, генерал армии ЧССР, президент ЧССР (1968–1975), трижды Герой ЧССР, Герой Советского Союза, Народный Герой Югославии

часть воспоминаний. Кому интересно, обратитесь к моей публикации специально об этом⁴³. С июня 1949 г. Цзян Цин находилась в Советском Союзе нелегально под именем Марианны Юсуповой. В то же время, в июне 1949 г., несколько позже прибыла весьма ответственная делегация ЦК КПК в составе трёх человек: Лю Шао-ци (руководитель делегации) – член Политбюро, секретарь ЦК КПК, Гао Ган – член Политбюро ЦК, секретарь Северно-восточного бюро ЦК в Маньчжурии, с 1948 г. – глава правительства Северо-восточного Китая и *Ван Цзя-сян*⁴⁴ – член ЦК КПК, будущий первый посол КНР в СССР. Вот такая приехала делегация. Я ничего не знала об этом.

АВ: Они приехали в Москву?

АК: Да. Думаю, Е.Ф. Ковалёв, конечно, знал об этом, но ничего не говорил мне. Бывали такие дела, которые мне, младшему референту, знать необязательно. По крайней мере, в этом случае. Однажды Ковалёв пригласил меня и сказал, чтобы я зашла к заведующему отделом, что там какой-то разговор состоится со мною. Наверное, Ковалёв тоже не знал, о чём пойдёт речь. Я пришла, В.Г. Григорьян предложил мне присесть, спросил, знаю ли я, кто такой Лю Шао-ци. «Ваган Григорьевич, – отвечаю, – Лю Шао-ци весь мир знает. Конечно, я его никогда не видела, но знаю как одного из руководящих деятелей КПК». «Хорошо. Значит, так. Вы сейчас немедленно поедете в особняк, шофёр знает куда». Это оказалось в одном из переулков старого Арбата.

АВ: Этот особняк сейчас существует?

АК: Думаю, что сохранился. А Григорьян продолжал: «Это совершенно срочно нужно сделать. Вы скажете ему то-то». – «Да», – отвечаю.

АВ: Кому скажете?

---

⁴³ Кентавр. 1992, № 1-2, . 121-127.

⁴⁴ *Ван Цзя-сян* 王稼祥 (1906–1974). Государственный деятель, один из руководителей КПК, член выпускник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве (1926–1930). Занимал высокие посты в партии: ПБ ЦК КПК, в годы Гражданской войны был Генеральным прокурором китайской Красной Армии, после основания КНР был первым послом Китая в СССР (первым в истории послом КНР), потом работал руководителем Международного отдела КПК (с 1951).

АК: Лю Шао-ци. «Затем скажете ему то-то», – внятно говорил Григорьян. – «Да». – «Хорошо. Потом скажете то-то. Вот три вопроса, которые коротко изложите Лю Шао-ци. Вы сможете на китайском языке сказать?» Я ответила утвердительно. «После этого, – продолжал Григорьян, – передайте ему от меня привет, спросите Лю Шао-ци о том-то и о том-то». Разумеется, в этом особняке имелся аппарат связи ВЧ. Но если была возможность лично поговорить, как я уже упоминала, то предпочитали делать это лично. Это как раз был тот случай, когда нужно было сообщить и спросить лично, потому что эта группа находилась в Москве нелегально. В газетах об этом визите не было объявлено. После того, как первым уехал Гао Ган, газета «Правда» опубликовала сообщение, что в Москве была несколько дней делегация демократических властей Маньчжурии, во главе с Гао Ганом, для переговоров по вопросам торговли Маньчжурии с СССР. Когда я приехала в резиденцию делегации, на месте были двое – Лю Шао-ци и Гао Ган, два ничем друг на друга не похожих человека. Оба высокого роста, причём Лю Шао-ци был строгий, худощавый. А другой (всё его лицо было в рябинах. Видимо, в детстве или в молодости Гао Ган переболел оспой, как мне казалось) – широкая и открытая душа. Если Лю всегда был застёгнут на все пуговицы в прямом и переносном смысле, то Гао – в расстёгнутом кителе, постоянно был в движении, любил шутить. В 1954 г. он был обвинён в раскольнической деятельности и лишён всех постов.

Задание я выполнила, вернулась, всё подробно доложила Вагану Григорьевичу. Он сказал: «Хорошо. Вы свободны, но надолго не отлучайтесь. Если будете у Цзян Цин, то вам дадут знать, чтобы вы приехали в отдел». Оказалось, что эта необходимость повторилась несколько раз. Вот такие маленькие задания я выполняла. Однажды был такой случай: я приехала в особняк, выполнила поручение завотделом, а потом сказала: «Товарищ Лю Шао-ци, а я читала вашу книгу». Он помолчал, а потом спросил: «А разве она переведена на русский язык?» Ответила: «Нет, я её читала на китайском». «Ну, и какого же вы мнения об этой книге?» «Если коротко, то я, во-первых, познакомилась с насущными проблемами, с которыми китайские коммунисты любого уровня должны быть знакомы, даже не очень грамотные. И, мне кажется, вы достигли этой цели. И второе, конечно,

большое достоинство этой книги, на мой взгляд, извините, может, я не так выражаюсь – то, что сложные категории, политические и научные, марксистско-ленинские вопросы, вы смогли изложить языком, понятным любому. И вообще, я довольна тем, что немного познакомилась с жизнью вашей партии». Лю Шао-ци как будто был доволен, как-то расслабился. Вскоре я уехала. Следующий раз, наверное, через неделю, я снова приехала в особняк. Обо всех поручениях, какие мне давал Ваган Григорьевич, я никому не должна была рассказывать, в том числе Ковалёву, и я не докладывала. После того, как я выполнила все указания заведомо и стала прощаться, Лю Шао-ци пригласил меня пообедать с ними. Мы пришли в столовую. Обед был уже готов, стол накрыт. Я поблагодарила за приглашение, но как-то была смущена. Вы поймите меня, два члена Политбюро, один член ЦК, а я одна! Не в делегации, а одна за столом с ними! Мне как-то не очень уютно было. Потом постепенно успокоилась, потому что разговор был в основном о Москве. Они задавали некоторые вопросы о Москве тех лет. Кто-то говорил о впечатлениях о столице нашей страны, всё им здесь нравилось, и всё такое прочее. Мы неплохо побеседовали за столом и я уехала, доложила обо всём заведомо. Позже я встретила с Лю Шао-ци в 1954 г., когда состоялась моя первая поездка в Китай в составе делегации советской молодёжи, приглашённой по случаю 35-й годовщины «движения 4 мая» 1919 г. О поездке делегации молодёжи скажу несколько позже. Вот, и такая работа у меня была в 1949 г. Не скажу, что совсем лёгкая.

АВ: Ваше общее впечатление о Лю Шао-ци, Гао Гане, Ван Цзя-сяне?

АК: Вы знаете, Лю Шао-ци не был склонен, так скажем, к шуткам или светскому разговору. Это видно было во время его пребывания в Москве в 1949 г. Конечно, у него была очень важная, серьёзная миссия. Он ведь после встречи со Сталиным в августе 1949 г. уехал позже других членов делегации, остался один и увёз вместе с собой сто наших советских специалистов. А вслед за ними, по договоренности, уехало ещё столько же. Поэтому его подготовка к встрече со Сталиным, как я понимаю, к встречам с министрами, которые должны были выделять специалистов для работы в Китае (прежде всего в Маньчжурии) и определять объёмы другой возможной помощи со стороны СССР, – всё это не оставляло времени для лишних

разговоров. Поэтому Лю казался таким замкнутым и скованным. Он в своих человеческих качествах предстал только при встрече в Мукдене, а затем в Пекине в 1954 г. Внешне его лицо производило, пожалуй, впечатление учёного. Безусловно, это был умный человек. Я не буду говорить о его трагедии в годы «культурной революции», известной всем интересующимся его личностью. Гао Ган был деятелем совершенно другого плана. В то время он был на живой работе в Маньчжурии. Там ему приходилось заниматься практической работой по организации восстановления экономики Маньчжурии, разрушенной во время антияпонской войны, мобилизовать партийную организацию на решение этих задач. Он с удовольствием общался, перед моим уходом или во время беседы задавал какие-то вопросы. Ван Цзя-сяна я больше узнала позже, когда была провозглашена Китайская Народная Республика и он был назначен первым послом Китая в СССР. Он часто приезжал в загородный особняк Цзян Цин вместе Чжу Чжун-ли, его женой. Она и без мужа часто навещала Цзян Цин. Ван Цзя-сян был на месте как дипломат. Он никогда лишнего слова не скажет. Вместе с тем, вёл себя довольно свободно в общении.

АВ: Русского не знал?

АК: Русским он хорошо владел, но я никогда не слышала, чтобы он говорил по-русски в 1949 г, когда прибыл в Москву в составе делегации. А когда они начинали беседовать с Цзян Цин, уходила под каким-нибудь предлогом, потому что понимала, что он приезжает к ней для того (это было ещё до провозглашения КНР), чтобы передать что-то от Мао Цзэ-дуна.

АВ: Сто человек, которых увез Лю Шао-ци, это были специалисты по восстановлению народного хозяйства?

АК: Да. Все командированные в то время – это специалисты, главным образом инженеры и хозяйственные работники, выехавшие в Китай во главе с И.В. Ковалёвым.

АВ: Это был август 1949?

АК: Да. Так что миссия делегации во главе с Лю Шао-ци завершилась успешно. Советский Союз оказал немалую помощь Китаю не только специалистами, но и

готовыми проектами. О масштабе проблем, решённых в июне-августе 1949 г., когда в Москве шли переговоры делегации ЦК КПК с советским руководством и различными ведомствами, дают полное представление документы, опубликованные в 1996 г. А.М. Ледовским. В Маньчжурии, например, в это время была большая необходимость наладить электроснабжение. Наши специалисты повезли готовый проект строительства электростанции. В точности такой, какие были построены у нас на Дальнем Востоке и где-то в Приуралье. Все схемы, проекты, чертежи передавались китайцам бесплатно. Для командировки в Китай подбирали квалифицированных специалистов.

АВ: По вашим ощущениям, какими были отношения Лю Шао-ци и Гао Гана к Советскому Союзу, к Сталину, к нашей стране в целом. Можно ли сказать, что они приехали к близким друзьям, приехали с просьбой? Или всё-таки был элемент официальности, что они приехали как представители партии огромной страны с 5000-летней цивилизацией?

АК: Видите ли, на переговорах Лю Шао-ци и Гао Гана с руководителями министерств, ведомств и других крупных учреждений нашей страны я не присутствовала. Но в процессе кратких бесед с Лю Шао-ци и Гао Ганом я чувствовала, что они приехали не только как официальные представители, а приехали к друзьям, которые не откажут Китаю в содействии в восстановлении и развитии экономики Китая. При этом они вели себя и с соответствующим достоинством. К Сталину, судя по разговорам в особняке, они относились, я бы сказала, с высокой степенью почтения.

После провозглашения КНР 1 октября 1949 г. и заключения Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР от 18.02.1950, по соглашению между ЦК КПСС и ЦК КПК в Москву стали приезжать многие высокие делегации КПК разного профиля и интересов, с целью изучить опыт работы КПСС и государственных учреждений в той или иной области. Например, в 1950 г. приехала делегация пропагандистских работников в составе около 48 человек, во главе с заместителем министра культуры КНР Чжоу Яном. Этой делегацией занимались Е.Ф. Ковалёв (он возглавлял эту работу, но редко выезжал с делегацией), китаист

Григорий Попов, Николаев и я. Упоминаю об этом потому, что мы постоянно сопровождали делегацию. Иногда она дробилась. И тогда мы по одному сопровождали их. Потом обязательно в письменном виде докладывали, какие вопросы, сколько вопросов было задано членами делегации, были ли удовлетворены члены делегации ответами. Была такая атмосфера, что их везде принимали с широко раскрытой дверью, радушно, старались удовлетворить их интересы по всем вопросам. В частности, эта делегация за время пребывания в Москве, а такие делегации находились в Союзе от 4 до 6 месяцев, задавала 1200 вопросов в разных организациях, принимавших их. И на все эти вопросы были даны исчерпывающие ответы и разъяснения. Одна делегация, тоже в 1950 г., прибыла в Москву в составе 51 человека, вместе с техническим персоналом, и там был такой эпизод. Вся делегация, мы сопровождали её в Большой театр на балет Глиера «Красный мак», смотрела этот балет с интересом. И вдруг, по окончании спектакля подходит ко мне заместитель руководителя делегации и говорит с возмущением: «Это что же такое! Почему у вас идет пропаганда красного мака? Это символ наркотика! Это то, чем английские империалисты травили китайский народ почти сто лет! А здесь получается советский командир, офицер, дарит нашей девушке китаянке красный мак!». Когда я доложила об этом разговоре Е.Ф. Ковалёву, он воспринял это всерьёз и сказал: «Я позвоню куда надо». И когда в Большом театре начался новый сезон, этот балет стал называться «Красный цветок».

АВ: Мы остановились на том, что Лю Шао-ци уехал из Москвы.

АК: Лю Шао-ци отбыл из Москвы 14 августа 1949 г. Как раз я хотела сказать о моей первой поездке в Китай и встрече там с Лю Шао-ци. Поездка состоялась в 1954 году. Это была делегация советской молодёжи, которую пригласили на 35-летие «Движения 4 мая» 1919 г. Делегация ехала поездом. В её состав входили секретари комсомольских организаций нескольких союзных республик, в частности, Узбекистана, Азербайджана, секретари областных комитетов. Кроме того, ехали двое молодых артистов из Большого театра, балетная пара – Мила и молодой человек, не помню его имени и фамилии, а также солист Большого театра Володя Отделенов. В эту же группу входил молодой Евгений Фёдорович

Светланов, пианист, композитор и дирижёр. Необычайно одарённый человек! Много позже он стал музыкантом с мировой известностью и славой. Эта группа молодых артистов Большого театра на вечерах встреч с китайской молодёжью давала концерты, пользовавшиеся большим успехом. В составе делегации была одна Герой социалистического труда Тамара Шкурко из Белоруссии. Возглавлял делегацию секретарь ЦК ВЛКСМ А. Шелепин. Меня в эту делегацию подключило руководство отдела ЦК. Мы побывали в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, в китайских деревнях. Эта была почти месячная поездка. То, что я видела в Китае, произвело неизгладимое впечатление. Конечно, я была уже начитана о событиях и строительстве нового Китая и уже встречалась с китайцами, имела некоторое представление об их культуре, о некоторых особенностях формы перехода к социализму в Китае. Однако одно дело читать о Китае, и совсем другое дело – побывать в стране, увидеть, что называется, своими глазами, что там происходит, что это за страна, за народ в своей массе, какие там настроения, и всё прочее. Вы знаете, просто физически чувствовалось, что народ расправил плечи, китайцы спокойно и гордо идут по улицам своей страны. Во время поездки было много дружеских встреч с молодёжью. На привокзальных площадях ряда городов Маньчжурии, по пути в Пекин, нас встречали тысячи молодых китайцев. Мы выходили из вагона, проводились короткие приветственные митинги. А затем мы входили в ряды встречавших нас и, кто как мог, обменивались приветствиями, рукопожатиями. И вот, когда мы доехали до г. Шэньяна (Мукден) и направились к привокзальной площади, неожиданно ко мне подошел Лю Шао-ци и приветствовал по-русски: «О-о-о! Товарищ Картунова! Ну, как вы себя чувствуете в поездке? Не устали?», – и потом перешёл на китайский. Лю Шао-ци выезжал в 1921 г. с группой членов ССМК на учёбу в Москву, где поступил в КУТВ, и вернулся на родину в 1922 году. Так что он немного владел русским, но в Москве в 1949 г. ни разу не говорил по-русски. После кратких приветствий и разговора он сказал: «До свиданья! Мы ещё увидимся в Пекине». Я впервые увидела Лю Шао-ци радостно улыбающегося, он даже весело смеялся – ну, совсем другого человека! Конечно, у нас было много встреч в Китае со студенческой молодёжью институтов, мы

побывали на промышленных предприятиях, в театрах, посещали исторические места. В Шанхае, Гуанчжоу и Пекине в честь делегации устраивались банкеты. 1 мая, во время праздничной демонстрации, мы были на трибуне на площади Тяньаньмэнь. Это была очень длительная, впечатляющая демонстрация, на которой были показаны и уже некоторые достигнутые успехи в промышленности, в то время с нашим содействием. Перед отъездом делегацию приняли члены Политбюро ЦК КПК. Кроме Лю Шао-ци были Чжу Дэ, Бо И-бо, Чэнь Юнь. Сейчас я не могу вспомнить точно, кто ещё был из руководящих деятелей КПК. И вот тогда на этом приёме мы и снова встретились с Лю Шао-ци. На этой встрече, очень оживлённой, приподнятого такого тонуса, члены Политбюро приветствовали нас, расспрашивали о впечатлениях от поездки. Это был торжественный прощальный ужин, приём в честь делегации на таком высоком уровне! Когда ужин близился к концу, Лю Шао-ци пригласил меня к столику у окна, где было два стула. Мы присели, начался разговор. Лю Шао-ци сказал: «Хорошо, что вы приехали». Спросил обо всех, с кем встречался в Москве, всем передавал привет, подробно спрашивал о моей жизни и работе, о семье. Я тогда была уже замужем, у нас с мужем была трёхлетняя дочка Иринка – Ладик. Вот здесь, в Пекине, как-то раскрылись человеческие качества Лю Шао-ци. Это был совершенно другой человек по сравнению с тем, каким он был в Москве, весь озабоченный. Мы с ним посидели, поговорили минут десять, может быть, пятнадцать. Дело шло к концу. Он выразил надежду, что я не в последний раз в Китае, и сказал: «Мы всегда будем вас приветствовать», – пожелал здоровья и успехов. Вот то, что касается поездки 1954 г. В общем, она дала большие, незабываемые впечатления о Китае и о китайцах. Всё это было интересно и полезно для меня, как будущего китаевода.

АВ: Вы говорите «будущего китаевода»? Вы тогда не считали себя китаеведом?

АК: Я ещё тогда наукой не занималась и считала себя китаистом. А когда занималась наукой, то это – китаеведение, такое чисто условное восприятие. После поездки в Китай стала внимательно следить за научной литературой по истории Китая первой половины XX в.

АВ: Когда вы решили заняться наукой?

АК: Пришёл 1956 год, и это был год моего окончательного выбора – заниматься наукой. Я сказала об этом И.С. Щербакову. Он подумал и ответил, что без заведующего отделом он ничего не может мне сказать. В это время заведующим ЦК был Б.Н. Пономарёв. Илья Сергеевич обещал доложить ему, когда тот появится.

АВ: А Щербаков уже тогда был завсектором вместо Ковалёва?

АК: Да, он с 1955 года был назначен на эту должность, а Ковалёв ушёл на научную работу и стал видным учёным. Щербаков через несколько дней сказал мне: «Если вы так решили, что вам очень охота заниматься наукой, то я доложу Борису Николаевичу». Может быть, он ещё не видел Пономарёва, а может быть, они ещё не решили, что мне ответить. Через день Щербаков сказал: «Идите к Пономарёву, а я не буду препятствовать». Я зашла к Борису Николаевичу, мы говорили достаточно долго. В конце он сказал мне: «Конечно, нам жаль с вами расставаться, вы проделали большую работу», – и всё такое, что обычно, как я полагаю, говорят в подобных случаях. И добавил: «Хорошо, я дам вам рекомендацию, мы дадим вам месяц отпуска для подготовки к вступительным экзаменам в АОН при ЦК КПСС. Там надо экзамены сдавать и нужно написать вступительный реферат». А он с этой академией был связан непосредственно по кафедре истории КПСС. Я к обещанному месяцу присоединила свой годовой отпуск. Таким образом у меня было 2 месяца на подготовку. Написала реферат на тему: «Особенности форм перехода к социализму в Китайской Народной Республике», тогда это была такая востребованная тема. Реферат оказался вполне приемлемым, в АОН был зачтён, даже похвалили немножко, и я подготовилась к экзаменам. Экзамены были у меня по китайскому языку, истории национально-освободительного и коммунистического движения на Востоке, а историю КПСС мы сдавали или нет, я не помню. Как будто сдавали. Три-четыре экзамена. Я сдала экзамены, набрав даже лишние баллы, и меня зачислили аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС.

АВ: Кто принимал китайский язык?

АК: В академии на кафедре иностранных языков не было своего преподавателя китайского и китаистов тоже. Поэтому пригласили преподавателя со стороны, мне незнакомого.

АВ: Это был устный или письменный экзамен?

АК: Устный. Дали мне китайский текст, надо было прочитать и перевести. Мне предложили газетный текст, терминология знакомая. Письменного экзамена не было. Это потом, когда мы с Николаем Чекановым сдавали ежегодно английский и китайский языки, то был обязательно – и устный, и письменный. Аспиранты нашего потока учились и готовили кандидатские диссертации 4 года. Это был единственный случай, а со следующего года академия вернулась к трёхгодичному сроку обучения. Я пришла в отдел ЦК прощаться, а Щербаков сказал, что рано прощаться, так как сектор получил срочное задание и мне придётся недели три поработать. Это было для меня неожиданно, но раз надо, так надо. Руководство отдела ЦК договорилось с ректором АОН, что я приступлю к занятиям позже. Проработала около месяца и в первых числах октября приступила к занятиям.

АВ: Из-за какой работы вас задержали?

АК: Сектор отдела ЦК готовил материалы по широкому кругу вопросов, возможно, к поездке высокопоставленной советской делегации в Китай. Мне об этом ничего не сказали, а я не задавала лишних вопросов. Мне поручили подготовить историко-политический раздел, в котором должна быть кратко и понятно изложена история КПК и, в ретроспективе, её отношения с Гоминьданом. Также кратко – об основных этапах развития китайской национальной буржуазно-демократической революции и, наконец, о победе КПК, её армии и широких масс народа, под руководством компартии, в гражданской войне 1946–1949 гг. За три недели я, в меру своих возможностей, выполнила эту работу и сдала её Щербакову, который сказал, что позвонит мне, когда в секторе прочитают представленный мною материал. Примерно через неделю он позвонил и сказал, чтобы я приехала, сдала или уничтожила все документы и разные материалы, хранящиеся в моём сейфе. «Вот после этого мы попросимся и вы приступите к занятиям в Академии общественных наук», – завершил он свои указания. На следующий день с утра до

вечера я просматривала содержимое своего сейфа и решала судьбу всех бумаг, в том числе различных моих записей. Взять с собой что-либо не разрешалось, все эти бумаги считались секретными.

АВ: С чем было связано ваше желание уйти в науку? У вас не хватало времени на остальное? Всё время были заняты работой?

АК: Да. Знаете, тут есть два обстоятельства. В 1956 году мне было уже 32 года. У меня была семья, которой я не могла уделить много внимания. Как правило, была занята на работе позже восьми часов, иногда допоздна. Это одно житейское обстоятельство. А другое – у меня уже не было такого яркого желания работать, скажем, с делегациями. Гораздо с большим интересом выполняла задания по написанию «записок» по определённым вопросам, где нужен был анализ, статей для газет. Стала регулярно следить за публикациями по Китаю, и всё больше втягивалась в их изучение. Созревала мысль, что мне лучше заняться наукой.

АВ: Вы не могли просто, оставаясь в ЦК, получить какое-то повышение по службе, тогда вы уже не работали бы с делегациями, а занимались другой работой?

АК: Нет. С делегациями работали и ответственные работники, но эта работа была эпизодической. Что касается «карьерного» вопроса, то для нас, младших референтов, это исключалось. В аппарате ЦК ответственные работники были людьми с большим стажем партийной работы. Поэтому никто из нас рассчитывать на какой-то карьерный рост не имел основания.

АВ: Эта ситуация так и оставалась, или это потом изменилось в 1960–1970-е гг.?

АК: Не могу точно сказать. Помню, Вера Савельева долго работала в отделе младшим референтом. Потом она года за 2-3 до ухода на пенсию стала референтом по контактам с Всесоюзным обществом культурных связей (ВОКС) и женскими организациями. Это совсем другой вид работы, для меня, в частности, неинтересный. А так, чтобы из младшего референта стать референтом – это действительно стало возможным значительно позже. Вот, Шубников, в 1970 г. или в 1965 г., может быть, году стал референтом, и потом его готовили к тому, чтобы он в перспективе стал послом в КНДР. У него сложились хорошие отношения с Ким Ир Сенем и с его сыном. Он бывал в командировках в Пхеньяне и эти отношения

укреплялись. Отдел ЦК был в этом заинтересован и его утвердили референтом. Ещё позже, помню, я уже в то время давно не работала в отделе ЦК, С.С. Разов пришел в отдел ЦК совсем молодым. Но вскоре стал референтом, затем завсектором. Безусловно, человек хорошо подготовленный. Но это совсем другая ситуация и другие обстоятельства.

АВ: Вы говорили, что в 1950-е годы приезжали большие делегации – по 48, 51 человек. Так было только в те годы, или такой ритм приезда китайских делегаций сохранялся на протяжении всего времени?

АК: Нет. Сплошного потока делегаций не было. Кроме партийных делегаций, на лечение или учебу в Москву приезжали члены семей некоторых руководящих деятелей КПК. Мне также руководство отдела поручало иногда работать с ними и организовывать всяческую им поддержку.

АВ: И вы с 1950 по 1956 годы фактически занимались делегациями?

АК: Нет. Это всё-таки были эпизодические поручения. Делегации приезжали. Но в основном-то я занималась другой работой, участвуя в выполнении заданий сектора.

АВ: После 1956 года изменились как-то отношения? Может быть, у Китая стал меньше интерес, начались китайские «эксперименты»?

АК: Вот, я расскажу вам об одном эпизоде. Где-то в 1958 г., я тогда была ещё аспирантом АОН, приехал Ян Сянь-чжэнь, с которым я работала ещё в 1954 г., когда он возглавлял делегацию директоров партшкол КПК разного уровня. На этот раз он общался с ректором АОН при ЦК КПСС Ю.П. Францовым, и ректор попросил меня помочь в языковом отношении при приёме им Ян Сянь-чжэня. В Китае уже была довольно напряжённая внутривластная обстановка. И когда Ян Сянь-чжэнь приехал в 1958 г., он был заметно скован. Понимаете, это был, по моим меркам того времени, уже пожилой человек (ему тогда было 56–57 лет), закалённый революционер, большую школу прошёл, а в то время – педагог, философ, директор ВПШ при ЦК КПК, секретарь парткома ВПШ. Как-то мне показалось во время его немного осторожного разговора с ректором АОН, что теперь в Китае атмосфера совсем не та, которой наша молодёжная делегация дышала, находясь в этой стране

в 1954 г. Она явно накалялась. С 1959 г. между компартиями двух стран напряжённые отношения даже усугублялись. АОН при ЦК КПСС не могла пробиться через отдел ЦК КПСС, которым в то время заведовал *Олег Борисович Рахманин*⁴⁵, чтобы отдел обратился в ЦК КПК с просьбой разрешить мне научную командировку в Китай. Из отдела ЦК пришёл на имя ректора АОН ответ, гласивший, что отдел не может нам помочь, поскольку связей с ЦК КПК нет. Но потом этот вопрос был решён иначе. Ректор АОН дал мне его личное письмо Ян Сянь-чжэню, а из отдела ЦК КПСС позвонили в наше Посольство в Китае, чтобы меня встретили. Поездка всё-таки состоялась. Но это отдельная история.

АВ: Где вы работали по окончании АОН?

АК: В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, далее буду для краткости называть ИМЛ, центральном партийном научно-исследовательском учреждении при ЦК КПСС. Прежде всего, я хочу сказать, что, проработав в ИМЛ 30 лет, выполняла работу по разной проблематике. Часто выполняла задания, не имевшие отношения к китаеведению. Но всегда на первом плане у меня стояли проблемы моих исследований по Китаю. Дома мой большой стол был завален выписками из архивных документов, воспоминаний лиц, работавших в Китае, литературой и всякими другими интересующими меня материалами. Я постоянно работала над ними и пополняла их количество. Эти документы, материалы ждали своего часа. Опираясь на них в то время публиковала статьи, подготовила и издала две книги, сборники документов и др. Так что работа по Китаю у меня никогда не прерывалась, независимо ни от чего, потому что именно это составляет на протяжении десятилетий главное содержание моей исследовательской работы, основанной на большом интересе к самой стране. И второе, что я должна сказать: была у меня другая задача из важных и желаемых – по мере возможности участвовать в работе по укреплению дружбы народов нашей страны и Китая. С 1960 г. и до сих пор я являюсь членом Центрального правления Общества

---

⁴⁵ *Рахманин Олег Борисович* (1924–2010). Китаевед, д.и.н. (1975), профессор (1977). Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985). В 1951–1958 гг. и 1960–1963 гг. работал в посольстве СССР в Пекине. Специалист по истории советско-китайских отношений после 1945 г.

советско/российско-китайской дружбы, никогда не отказывалась от выступлений по разным историческим датам национально-освободительной борьбы в Китае. Даже в период, когда между СССР и Китаем в течение более 20 лет взаимоотношений почти не было, в Москве шла работа в Обществе советско-китайской дружбы, затем российско-китайской дружбы. В такой обстановке был единственный журнал, который доходил до Китая – *Сулянь фунюй* («Советская женщина») на китайском языке. Хочу сказать доброе слово о Кларе Крючковой, которая неумоимо работала в китайской редакции этого журнала. Я часто публиковалась на его страницах. Отмечали важные исторические события в Китае, юбилейные даты деятелей китайской культуры и видных китайских революционеров. В 2008 г. я была награждена ОРКД почётным знаком «За заслуги в развитии российско-китайских отношений».

АВ: Когда вы работали в ИМЛе и не занимались непосредственно Китаем, вы всё равно продолжали заниматься Китаем и одновременно публиковали работы по собственной инициативе?

АК: Да. Публиковала статьи в журналах: «Народы Азии и Африки»/«Восток», «Проблемы Дальнего Востока», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории КПСС» (это был журнал ИМЛ), «Сулянь фунюй», иногда в зарубежных изданиях – в Китае, в некоторых странах Запада.

АВ: Кто вас направил на работу в ИМЛ?

АК: По окончании АОН при ЦК КПСС я была направлена на работу в ИМЛ решением Секретариата ЦК партии. В ИМЛ был небольшой Отдел истории международного коммунистического движения. С течением времени он разрастался и пополнялся новым сотрудниками. В этом отделе я работала старшим научным сотрудником с 1960 по 1969 гг. В структуре ИМЛ не было должностей ведущих и главных научных сотрудников. В те годы в рядах партии шла поистине ломка. Среди коммунистов не было никаких сомнений в том, что решать вопрос о ликвидации последствий культа личности Сталина необходимо и исторически очень важно. Но многие коммунисты не были согласны с той формой, в которой Н.С. Хрущёв сделал доклад на XX съезде КПСС о культе личности Сталина – самая

худшая из возможных форм, которую он избрал. Поскольку институт находился при ЦК, всё это отражалось и на атмосфере непосредственно коллектива ИМЛ. К этому времени он становился, я бы сказала, по своему составу многослойным. Там были ветераны – великие труженики, которые проработали в ИМЛ с самого его основания; участники Великой отечественной войны 1941–1945 гг., их было немного. Были также сотрудники среднего возраста, уже имевшие опыт работы, и новая молодёжь.

АВ: Когда был создан институт?

АК: В 1920 г. в Москве был создан Институт партии – Истпарт. В 1923 г. было принято решение о создании Института В.И. Ленина. В 1928 г. этот институт объединился с Истпартом, затем этот объединённый институт был слит с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса и стал называться Институтом Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ). Под этим названием существовал с 1931 до 1956 г., когда стал называться Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. ИМЛ имел 16 филиалов: при ЦК КП союзных республик, а также в Москве и Ленинграде. В нём хранились, а теперь хранятся в РГАСПИ рукописи, документы и материалы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и их соратников, а также по истории КПСС, международному революционному и коммунистическому движению. Институт готовил к изданию труды и биографии классиков марксизма-ленинизма, монографии по истории КПСС и мирового революционного движения, марксистско-ленинской теории. С середины 1960-х годов в ИМЛ была зачислена значительная группа молодых историков, в основном с истфака МГУ, из Пединститута и Архивного института. Некоторая часть пришедшей в ИМЛ молодёжи фактически стояла на платформе критического отношения к КПСС, но, несмотря на это, стремилась попасть на работу в институт при ЦК партии. В те годы кадровый состав формировался в основном по рекомендации учёного секретаря, который предлагал список лиц для принятия в институт его директору Г.Д. Обичкину. Кто в результате решал кадровые вопросы, не знаю. В ИМЛ существовала групповщина, атмосфера далёкая от той, в которой я работала и училась до этого. Надо признать, что и время было другое.

АВ: Чем занимался весь институт?

АК: Да, хочу хотя бы коротко сказать о том, чем занимался институт. В нём был сектор произведений Ленина. Его сотрудники готовили в то время к изданию Полное собрание сочинений Ленина по его рукописям, которые хранятся в архиве. Он тогда назывался Архив ИМЛ при ЦК КПСС, а теперь – РГАСПИ. Сектор произведений К. Маркса и Ф. Энгельса также по рукописям готовил к изданию Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Был в институте Отдел научного коммунизма. Самый большой – Отдел истории КПСС. Затем ряд других подразделений. В ведении ИМЛ находились также музеи К. Маркса и Ф. Энгельса и музей В.И. Ленина.

Поскольку в институте я была единственным китаеведом, и специалистов по другим проблемам востоковедения также не было, все задания и запросы из Секретариата ЦК, Отдела науки ЦК партии, из других подразделений аппарата ЦК естественно поручались для выполнения мне. Поскольку советоваться по проблемам Китая было не с кем, я, получив задание, готовила текст проекта. Директор или замдиректора иногда вносили редакционную правку, но самого текста никто не касался, опасаясь изменить его содержание, потому что в дирекции никто не был в необходимой мере знаком с проблемами Китая и Востока в целом. Иногда это были нелёгкие задания. Одной из задач, поставленных передо мной, было постоянно следить за текущими событиями в Китае. В то время ТАСС очень хорошо работал и, в частности, из Китая приходила ежедневно разносторонняя информация. Поскольку это была моя обязанность, на моём столе постоянно находилась приходящая свежая информация и я с удовольствием поглощала её, чтобы быть в курсе событий. В моём распоряжении также были газеты *Жэньминь жибао*, *Гуанмин жибао* и журнал *Хунци*, которые дирекция института разрешила мне выписывать через библиотеку ИМЛ. Кроме того, в спецфонде ИМЛа имелось довольно значительное число книг по истории Китая, которых в общем фонде не было, и я могла ими пользоваться. Это, в общем, весь круг того, чем я могла располагать при работе и выполнении всевозможных заданий. Часто приходилось выполнять задания, которые были слишком далеки от моей профессии.

АВ: Какие ещё возможности давала работа в ИМЛ?

АК: Работа в ИМЛе в то же время давала мне широкий, даже широчайший, как и другим научным сотрудникам института, доступ к материалам и документам Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, в том числе к фондам Коминтерна, что и определило мою последующую научно-исследовательскую работу по вопросам истории КПК, китайской революции 1925–1927 гг., взаимоотношений Коминтерна и КПК, деятельности военных советских советников на Юге Китая, советско-китайских отношений, особенно в 1920–1940-х гг. Таков весь комплекс проблем, который потом сложился в главные темы моих научных исследований. Я разрабатывала их, широко пользуясь этим архивом, с которым до этого никто из китаеведов ещё не был знаком из-за засекреченности.

Сейчас доступ к хранящимся в РГАСПИ документам открыт, ими можно пользоваться. Документы многих фондов полностью рассекречены. Работая в институте, я написала докторскую диссертацию. В 1980 г. ездила в Японию, где читала лекции японским социалистам. В 1988 г. в течение 6 месяцев находилась в командировке-стажировке в *Жэньминь дасюэ* (Народный университет) в Пекине, где изучила интересующие дирекцию ИМЛ некоторые проблемы осуществления реформ в Китае. Много приобрела при этой поездке для своей китаеведческой научной работы, а также практики разговорного языка. Тема моей диссертации: «Политика Компартии Китая по рабочему вопросу в революции 1925–1927 гг.» Поскольку там были сотни ссылок и сносок на фонды Коминтерна и КПСС, ей придали гриф «для служебного пользования», поэтому я не смогла её опубликовать. Правда, в 1983 г. опубликовала монографию «Политика Компартии Китая по рабочему вопросу накануне революции 1925–1927 года». Эта книга хорошо документирована и в своё время на неё ссылались историки не только в нашей стране. Работая в архивах многие годы я ощутила всю ценность для историка архивных документов и выяснения неизвестных в исторической литературе сведений. Позже много работала в архивах Внешней политики МИД СССР/РФ, РГВА, ГАРФ, РГАЭ. Все эти работы оказались долгожителями потому, что они

давали более приближённое отражение того, как развивался революционный процесс в Китае.

АВ: Публиковались ли ваши работы за границей?

АК: Некоторые мои статьи переводились и публиковались в китаеведческих журналах западных стран, и там в одном из номеров была рецензия на мою первую маленькую книгу «В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы», которая вышла в двух изданиях в 1970 и 1979 гг., а в 1983 г. была переведена на китайский язык. Меня не оповестили о её переводе на китайский. И многие мои статьи в журналах переводились на китайский, но никто мне не присылал этих переводов, кроме журнала *Байнянь чао*. Только когда я позже приезжала в Китай, узнала, что эта книга переведена на китайский. Мне её подарили переводчики этой книги на китайский язык и сообщили, что в китайских журналах переведены мои статьи. Вот в Китае такая система существовала, сейчас это положение изменилось к лучшему.

АВ: Приходилось ли вам участвовать в крупных проектах, которые готовились в ИМЛ?

АК: Прежде всего, назову 6-томное издание Истории КПСС. У меня там разделы во 2-й книге V тома и в 1-й книге VI тома. Последний не вышел в свет. Мои разделы касались деятельности КПСС по сплочению коммунистического движения и совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. Здесь самое важное, о чём бы я хотела сказать, состоит в том, что авторский коллектив был утверждён в 1964 г. Секретариатом ЦК. Для нас были открыты все архивы, вплоть до архивов ГУЛАГа, архивов НКВД, архивов, в которых хранились документы по высылке крестьян в отдалённые районы России. Мы давали подписку о неразглашении того, что узнаем, до выхода в свет книг. Мне досталась тяжёлая работа, морально и физически. Я работала в архиве ЦК, в полуподвальном помещении, где находились стенограммы совещаний коммунистических и рабочих партий, стенограммы переговоров наших партий с различными партиями. В том числе в 1957 г. велась активная переписка между ЦК КПК и ЦК КПСС в связи с подготовкой этого совещания. Там же – переписка с другими партиями.

Стенограммы совещаний – это очень большой материал. Изучая эти материалы я просидела полгода в этом архиве – замечу – в одиночестве, кроме меня там никого не было. У меня была под номером особая тетрадь, в которую я вписывала то, что могло понадобиться при подготовке разделов в это издание. Особенно меня морально потрясло выступление Н.С. Хрущёва на промежуточном совещании коммунистических и рабочих партий. Это промежуток между совещаниями коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. Оно проходило в Бухаресте сразу после III съезда Рабочей партии Румынии. На этом совещании международное коммунистическое движение уже разделилось в своих пристрастиях в проходившей дискуссии, которая развернулась после публикации двух известных статей в *Жэньминь жибао*, посвящённых решению XX съезда КПСС о культе личности Сталина. Представителей КПК в Бухаресте не было. Но присутствовал секретарь ЦК Албанской партии труда, которая придерживалась позиции КПК в этой дискуссии. Вдруг Н. Хрущёв буквально набросился на него: «Ну, ты! Что ты там ёрзаешь на стуле! У тебя что там, шило под ...» Потом, скажу вам, пошли совершенно недопустимые, оскорбительные выражения, а стенограмма отражает всё в точности, в том числе и любые выражения. В общем, это выступление Хрущёва меня просто потрясло. Было больно за нашу великую страну, что во главе её стоит личность, у которой вседозволенность была нормой во всём. Через полгода я приступила к написанию порученных мне разделов. К работе в этом проекте были привлечены силы историков не только Москвы, но и всего Советского Союза. Авторский коллектив имел возможность, и использовал её, отстаивать свою точку зрения, потому что каждый из нас располагал широким кругом первоисточников. Это, я считаю, было весьма положительным в этом издании, которое очень сильно уже отличалось от «Краткой истории ВКП(б)» и последующих изданий. Эта работа дала мне немало с точки зрения знания и понимания отношений в международном коммунистическом движении, что впоследствии использовалось дирекцией ИМЛ довольно часто, когда давались мне задания по всем вопросам, касавшимся этих тем. Кроме того, это был основательный фундамент для лекций о положении в международном коммунистическом движении и КПК, с которыми я выступила в

составе пропгрупп ЦК КПСС в Эстонии и в Туркменской ССР примерно в 1970-х гг. В 1980-х гг. выполняла целый ряд заданий для написания глав и разделов для книг о международной деятельности КПСС и СССР. Некоторые из них были для внутреннего пользования. Приведу для примера один эпизод работы по теме: внешнеполитическая деятельность КПСС и СССР на международной арене накануне Великой Отечественной войны. Дело было в 1980 г. Я была включена от ИМЛ в авторский коллектив одного из томов проекта 12-томной Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в которой должна была написать раздел о внешнеполитической деятельности КПСС и СССР накануне войны – это период 1937–1941 гг. Просидела в архиве, ознакомилась с протоколами Политбюро за эти годы. Когда же пригласили авторский коллектив на совещание в Институт военной истории МО СССР, которое проводил *Д.А. Волкогонов*⁴⁶, и очередь дошла до меня, я изложила то, что вынесла из ознакомления с этими документами. Рассказала, какая напряжённая работа шла не только по военным вопросам, по строительству военных предприятий, но и какая деятельность велась СССР на международной арене. Д. Волкогонов меня прервал словами: «Никаких заседаний Политбюро не было, всё решалось тройкой на ближней даче Сталина». Я возразила, сказав, что не могу с ним согласиться. Конечно, на даче Сталина все крупнейшие партийные и государственные вопросы предварительно обсуждались и некоторые – сразу решались, нет сомнения, тройкой. Но на заседаниях Политбюро этих лет рассматривались по 30-35 пять вопросов, причём велась всегда регистрация присутствовавших на заседаниях – это факты. Сказала об этом и замолчала. Он дал слово следующему. Это был историк, которому следовало написать раздел о культурной революции в СССР. Он доложил относительно коротко и чётко, что фактически, якобы, никакой культурной революции в Советском Союзе не было. Это походило на немислимое отрицание действительности. Но Волкогонов принял эту точку зрения положительно.

---

⁴⁶ *Волкогонов Дмитрий Анатольевич* (1928–1995). Историк, философ, политолог и политик. Д.ф.н. (1971), д.и.н. (1990), профессор, членкор РАН (1991), генерал-полковник (1986), лауреат Госпремии РФ (1995).

АВ: В каком году это было?

АК: В 1980. На следующий день пришла к заместителю директора Педосову Александру Даниловичу, он же заведующий Отделом истории КПСС, в котором я работала с 1974 г. до закрытия института в 1992 г., поделилась с ним впечатлением об этом совещании и попросила освободить меня от этой работы. Только я сказала «освободить», как тут же раздался телефонный звонок. Звонил Д. Волкогонов.

АВ: Кем в то время был Волкогонов?

АК: Точно не могу сказать, какой пост он занимал на тот момент.

АВ: Он же военный, работал в Министерстве обороны.

АК: Он с 1984 г. был зам. начальника Главного Политуправления Советской армии и ВМФ, затем начальником Института военной истории МО СССР до 1991 г. Волкогонов звонит и говорит: «Вот ваша сотрудница Картунова неправильно понимает свои задачи, и мы просим от вашего института дать кого-то другого, поскольку в авторском коллективе обязательно должен быть представитель от ИМЛ». На это в моём присутствии Педосов ответил: «Мы Картунову освободим, кстати, она сейчас выполняет очень сложное и важное задание директора института А.Г. Егорова, но никого вам больше от института не дадим. У нас кроме Картуновой нет специалистов по этим проблемам». Волкогонов сказал: «Хорошо, я с директором договарюсь». Директор никого не откомандировал.

В это время я, действительно, выполняла задание директора. Наверное, это было ранним летом 1980 г. Я как раз собиралась в отпуск. Тогда было совершенно ясно для Москвы, что политику Политбюро ЦК КПК определяет уже *Дэн Сяо-пин*⁴⁷ и поддерживавшая его группа руководящих работников ЦК КПК. В Москве очень внимательно следили за кадровыми изменениями в Политбюро и ЦК КПК, а также в целом за событиями в Китае. И теперь Секретариат ЦК дал задание всем

---

⁴⁷ *Дэн Сяо-пин* 鄧小平 (1904–1997). Партийный и государственный лидер КНР. Учился во Франции и в СССР (1925–1926). Глава секретариата ЦК КПК (1956–1966). Идеолог и теоретик КПК. Разработал национальную модель «социализма с китайской спецификой». Определил цели китайских реформ – преодоление бедности, отсталости, развитие производительных сил и обеспечение «среднезажиточного» уровня жизни народа, подъём духовной культуры. Выдвинул концепцию «одна страна – две системы», используемую с 1997 г. в отношении Гонконга.

институтам Академии наук, которые так или иначе имели отношение к проблемам Китая, а также ИМЛ, Отделу ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма. Меня вызвал А.Д. Педосов и пригласил пойти вместе с ним к директору. Мы пришли к А.Г. Егорову, и он сказал, что Секретариат ЦК КПСС дал нам задание изложить свои предложения или какие-либо соображения, может быть, новые идеи по вопросу, какие шаги необходимо сейчас предпринять СССР для того, чтобы начать налаживание отношений между двумя странами. Директор дал мне задание заниматься только этим вопросом. Я ему откровенно сказала: «Я же могу вам изложить только свои собственные представления», на что он отреагировал так: «Вот вы их и изложите в письменном виде». Я, конечно, спросила, насколько это срочно. «Затягивать нельзя», – был ответ. А у меня была путёвка в Ессентуки, через неделю выезжать, о чём я ему и сообщила. «Как раз за неделю вы и изложите свои соображения, занимайтесь только этим», – последовало указание. Прежде всего, я прикинула соотношение сил в Политбюро ЦК КПК, потому что из печати это уже было более или менее понятно. Мой проект записки был размером меньше двух страниц. На одной странице изложила положение с расстановкой сил в Политбюро ЦК КПК: кто сейчас руководит, и что Дэн Сяо-пин никак не связан с Мао Цзэ-дуном в его разработке и проведении внутренней и внешней политики. Более того, Мао дважды отстранял Дэна от всех обязанностей, и он во время «культурной революции» был выслан из столицы на несколько лет. Исходя из этого «нам представляется, – как тогда было принято выражаться, – возможно, было бы целесообразным предлагать с нашей стороны инициативы, даже если в первое время на них не будет отклика, не останавливаться, а продолжать работу в этом направлении». Это я по памяти пытаюсь воспроизвести содержание. Пришла через неделю, даже через 6 дней, вначале к заместителю директора. Он прочитал один раз, пожал плечами, развёл руки, помолчал и ещё раз прочитал. «Да, кстати, – сказала я, – хотела бы ещё маленький вопрос обсудить с вами в связи с этими предложениями». Он ещё раз прочитал и говорит: «Вы знаете, вроде так всё понятно, интересно для меня, но я не могу вам дать каких-либо советов. Пойдёмте к директору». Мы пришли к директору. На его столе уже лежал экземпляр моего

проекта. Он обратился ко мне с вопросом: «Вот, скажите, пожалуйста, а этот абзац вы не могли бы более чётко сформулировать?» «Вы, знаете, у меня было не так много времени, – говорила я в своё оправдание, – но думаю, что можно». «Садитесь сюда, – предложил Анатолий Григорьевич, – вот вам ручка, бумага, а я пока ещё пройду по тексту». Просидела, может быть, минут 10-15 и положила на его стол абзац в более чёткой редакции. Он посмотрел: «Ну, вот так – это будет хорошо». После этого предложил вместе с ним прочитать фразу за фразой. Академик А.Г. Егоров – человек умный, никаких «гениальных» предложений не вносил. Если о том, что он предлагал по редакции, я говорила «хорошо», то мы вносили, если я молчала, то он понимал, что это не годится, и мы продолжали. В общем, прошлись по всему тексту. По-моему, заменили там два слова, чисто редакционного характера. Он вызвал секретаря и распорядился немедленно, срочно написать начисто в адрес Секретариата ЦК КПСС. Пока она дошла до двери, он сказал: «Одну секунду, значит, подпись будет: Дирекция Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ну, всё». Я спросила Анатолия Григорьевича, свободна ли я. Он поблагодарил меня и я уехала отдыхать. Возвращаюсь через месяц. Только зашла в кабинет, вдруг – телефонный звонок секретаря А.Д. Педосова, которая сообщает, что он просил по приезду немедленно зайти к нему. Александр Данилович встретил меня, можно сказать, радостным возгласом: «Анастасия Ивановна! Вы не представляете, как вы подняли престиж нашего института в глазах Секретариата ЦК!» ... «Знакомое выражение для красного словца», – подумала я. Он же поведал мне о заседании Секретариата, на котором присутствовал, так как директора не было в Москве. Туда были приглашены директора институтов АН СССР, других учреждений и, конечно, зам. завотдела ЦК партии, которые выполняли указанное задание. По словам Педосова, у каждого секретаря ЦК лежала довольно большая стопка всех представленных аналитических исследований и предложений о том, что может наша страна предпринять на этом этапе в качестве первых шагов к нормализации отношений с Китаем. Председательствовавший секретарь ЦК коротко доложил, что присутствовавшие секретари ЦК внимательно ознакомились со всеми представленными материалами. «Ну, значит, мы сделаем так – мы возьмём

вариант нашего института (т.е. ИМЛ), там всё коротко и ясно, а главное – реально», – процитировал Педосов решение секретарей ЦК. Председатель поблагодарил всех за проделанную полезную работу и сказал, что все свободны. Педосов выразил мне от имени дирекции ИМЛ большую благодарность. Таким образом, выполнение этого задания кончилось вполне благополучно. Когда я уже встала с кресла, намереваясь уходить, Педосов сказал: «Зайдите прямо сейчас к главному бухгалтеру»...

АВ: Какие ещё были проекты?

АК: Хотела бы сказать о дискуссии по вопросам Краткой истории Коминтерна, когда шла работа коллектива авторов. Она проходила в конце 1967 г., я тогда ещё работала в Отделе истории международного коммунистического движения. Главным редактором издания был назначен А.И. Соболев, заведомо истории коммунистического движения. Это очень способный человек, он многие годы был лектором ЦК по международным вопросам, но у него была слабинка – «русская болезнь». Он иногда исчезал дней на десять. Запой ... Все вопросы оргработы, формирования авторского коллектива находились в руках тандема Шириня–Фирсов. В авторский коллектив входила и я. Моя задача была написать раздел или главу «Стратегии и тактики Коминтерна в национально-колониальном вопросе», где был отдельный параграф «Стратегия и тактика Коминтерна в освободительном движении Китая». Написав эти разделы, отдала Соболеву. Когда авторами были сданы все главы, решили провести обсуждение. Я прочитала весь материал и с целым рядом тезисов и позиций не могла согласиться, особенно имея в виду, что это весьма ответственное издание – об истории и теоретической и практической деятельности Коминтерна. К моему удивлению, когда я пришла на обсуждение, зал заседаний ИМЛ на 5 этаже был забит до отказа. Как оказалось, уже разнесли известие, что будет дискуссия, что Картунова выступает против каких-то положений рукописи. Началось обсуждение. Когда дошла моя очередь, я изложила свои соображения по двум разделам, ещё не высказывая свои принципиальные позиции. Говорила, что вот здесь изложен очень важный вопрос, но изложен так, что его можно толковать так и иначе, в зависимости от того, что «выгодно» автору.

Высказалась по польскому вопросу, заявив, что по тому, как он изложен, я не могу согласиться с автором этого раздела, что могу свой вариант предложить, и передала его в письменном виде Соболеву. Ещё по двум главам высказала свой взгляд. В зале была тишина. Прошёл первый день этих дискуссий, но потом стало ясно, мне рассказали, что этот тандем нашёл своего человека по национально-колониальным проблемам. Фамилию его не буду называть, не в нём дело. Но он, конечно, Китая не знал, а без Китая в главе никак нельзя обойтись. После дискуссии названный тандем решил вместе с Соболевым пойти к директору. Соболев спросил их, в чём дело? Ответили, что они хотят поговорить с директором о Картуновой. Соболев сказал, что Картунова – интересный автор, и что он будет с ней работать. В ответ услышал: «Ну, хорошо, вы работаете с Картуновой, а мы все уходим. Или вы работаете с нами, а Картуновой не будет в авторском коллективе». Вот так, в ультимативной форме был поставлен вопрос. Через день-два мне домой звонит секретарь директора, в то время директором был академик П.Н. Федосеев.

АВ: Тот самый Федосеев?

АК: Да, Пётр Николаевич Федосеев. Я с ним мало работала, хотя какие-то задания выполняла. Он меня пригласил и сказал, что мне придётся перейти в другой отдел, в который я найду для себя приемлемым. «Хорошо, я подумаю, – сказала. – А, собственно, о чём идёт речь?» «Ну, как о чём, коллектив «Краткой истории Коминтерна» не согласен с вашей позицией, с вашей критикой их работ». «Хорошо, – сказала я ещё раз, – я подумаю».

Через день я случайно встретила с Германом Шараповым на улице в центре Москвы. Шарапов – это мой однокашник по АОН, но с кафедры истории КПСС, один из наиболее образованных аспирантов нашего потока, человек контактный и притягательная личность. Он спросил, что это за шум в ИМЛ, что-то по Коминтерну, что там у меня за несогласия с другими авторами? Я ему кратко объяснила в чём суть дела. Герман с ходу предложил перейти на работу в Институт им. П. Лумумбы, директором которого он в то время являлся. Герман разъяснил, что в течение 3 месяцев я поработаю на кафедре истории международного коммунистического движения, войду в курс дел, а потом меня назначат заведовать

этой кафедрой. «Нынешний заведующий – человек пожилой и давно просится на пенсию, – говорил он. «Понимаешь, как мне повезло, что я случайно увидел тебя!» – завершил он своё предложение, полагая, что вопрос решён. Я поблагодарила его за предложение и моральную поддержку, сказала, что подумаю. Через два дня звонок из Отдела науки ЦК партии. Говорил куратор ИМЛ из Отдела науки и образования ЦК КПСС, Аркадий Иванович (не могу вспомнить его фамилию): «Товарищ Картунова, – вот так официально, – что у вас там происходит с Краткой историей Коминтерна?» Я предложила ему лучше обратиться с этим вопросом к А.И. Соболеву. «Нет, мы бы хотели послушать вас, здесь, в отделе». Он попросил взять с собой текст всей рукописи, по которой я работаю. Состоялась длительная беседа, в которой участвовали три человека – Аркадий Иванович, ещё один ответственный работник этого отдела и я. Они выполняли задание завотделом С.П. Трапезникова: разобраться, что там происходит с подготовкой истории Коминтерна.

Я приехала. Рассказала, как обстоят дела, изложила исходные и принципиальные свои позиции и всё остальное. Показала отчёркнутые мной абзацы и даже страницы рукописи, мои предложения и замечания, некоторые из них они попросили более расширенно изложить в их присутствии. Мы, наверное, часа два просидели. Аркадий Иванович поблагодарил меня и попросил оставить рукопись у них. Через несколько дней, это мне позже стало известно от Аркадия Ивановича, они пригласили Соболева. Он доложил, что состоялась дискуссия, в результате выявились неприятности: «Наши ребята, – пояснил Соболев, – выдвинули ультиматум». Ему дали экземпляр рукописи, чтобы он просмотрел те соображения и замечания, которые высказала Картунова.

АВ: Там же на месте посмотреть, или ему дали время?

АК: Ему дали мой экземпляр текста и время подумать. В результате Соболев пришёл в отдел и сообщил, что все замечания он принимает и учтёт в дальнейшей работе по редактированию рукописи, но разговора о том, чтобы я продолжала работать в этом проекте не было. А у меня самой сотрудничать с упомянутым тандемом не было никакого желания, ну просто полное отторжение. Дня через 2-3 Аркадий Иванович приехал в ИМЛ. Он пригласил меня в другой свободный

кабинет и спросил, что я собираюсь делать. Рассказала о предложении Шарапова, но, что никакого решения ещё не приняла. «Конечно, если вы решите уйти, мы не сможем вас удержать. Но я вам рекомендую не делать этого». Затем он спросил, чем я сейчас занимаюсь. ИМЛ при ЦК КПСС и Институт истории партии при ЦК МНРП решили совместно подготовить к изданию книгу на русском и монгольском языках «Исторический опыт братского сотрудничества КПСС и МНРП в борьбе за социализм», которая и вышла в свет в 1971 г. Я была членом авторского коллектива и провела всю научно-организационную работу по подготовке этой книги к изданию. Но в то время мы ещё только приступили к разработке план-проспекта этой книги, о чём я и сказала Аркадию Ивановичу, выразив непонимание, почему эта работа ведётся в секторе филиалов и координации, который никакого отношения к международным вопросам не имеет. Он посоветовал временно пока поработать в этом секторе, а когда книга выйдет в свет, спокойно решить, чем заниматься дальше. Аркадий Иванович ещё раз порекомендовал не уходить из института. Я являлась позже членом авторского коллектива и второй книги, по приглашению Соболева. В руководимом им отделе готовилось написание этой книги совместно с монгольскими коллегами, по просьбе руководства Института истории партии при ЦК МНРП. Публиковала статьи, участвовала в международных научных конференциях в Улан-Баторе, посвящённых юбилейным датам МНРП, а также проблемам освободительного движения, трижды ездила в Монголию в научные командировки, в связи с подготовкой первой книги. Вторая книга «Роль КПСС и МНРП в развитии и углублении советско-монгольского сотрудничества» вышла в свет в 1981 г. в Москве и Улан-Баторе. В сотрудничестве с монгольскими коллегами писала разделы о единых действиях КПСС и МНРП на международной арене, о борьбе за единство рядов международного коммунистического движения и другие. Всё перечислять не стану.

АВ: Вам с ними (монголами) было легко работать, не было никаких конфликтов, проблем?

АИ: Конфликты вообще были исключены. У нас сложились дружеские отношения с этим коллективом. Это были хорошо подготовленные профессионалы-

историки. Получили образование главным образом в Москве: одни в ВПШ и АОН при ЦК КПСС, другие – в каком-либо институте. Это люди сходного воспитания. Некоторые из них отлично владели русским языком. Работать с ними было легко. В общем, сотрудничество у нас было очень результативное и приятное, отношения были нормальные. Кстати, у нас сложились добрые отношения с директором Института истории МНРП при ЦК этой партии Б. Балдоо. Он был не только историком и партийным деятелем МНРП, но и меломаном. Скорее всего, под влиянием его жены Найдалмы, солистки оперного театра в Улан-Баторе. Я всех, с кем работала, помню: С. Дамдинсурэн, Б. Лигдэн, Б. Лхамсурэн, Х. Маам, А. Минис, Б. Сумьяа и других.

Но и в эти годы находила время работать в архивах, постепенно готовила материалы к докторской диссертации, публиковала статьи по советско-китайским отношениям и др.

АВ: Как шла ваша дальнейшая научная работа?

АК: После долгих раздумий о дальнейшей моей научной работе, где-то в начале 1974 г. я пришла к А.Д. Педосову и сказала, что хотела бы работать в руководимом им отделе по проблемам международной деятельности КПСС и Советского государства и некоторым проблемам современного Китая и истории КПК. «Что же вы сидели там так долго и молчали! У нас нет специалистов по этим темам!» – воскликнул Педосов. Не откладывая он пошёл к директору института Федосееву, запросив его согласие на мой переход в руководимый им отдел. Приказ был подписан в тот же день. Работая в этом отделе, кроме оговоренных проблем, я отслеживала события в Китае, выполняла много разных заданий, подготовила докторскую диссертацию. Там я проработала с 1974 по 1991 гг., когда ИМЛ был «реорганизован», а в 1992 г. – закрыт.

АВ: Какова судьба ваших предложений в Секретариат ЦК?

АК: Секретариат ЦК КПСС возложил на МИД СССР задание вести эту работу, выступая с инициативами. Вот однажды, примерно через 2 месяца, мы встретились в ресторане, отмечали 60-летие Е.Ф. Ковалёва. Мы сидели рядом с *Михаилом*

*Степановичем Капицей*⁴⁸ и я спросила у него, как их инициативы, имеют ли успех? Капица с горечью ответил, что никаких ответов из Пекина на наши инициативы нет. Вскоре после этого мне стало известно, по рассказам работавших в Китае соотечественников, что все предложения, которые наш МИД направлял в Китай, ложились на стол Дэн Сяо-пина. Их накопилось достаточное количество. Он как будто вызвал соответствующих работников и дал задание, чтобы они взяли всё это, изучили и представили свои предложения: «как нам на всё это реагировать». Прошло отведённое время, они принесли большую по объёму «бумагу», в которой отрицалась возможность установления в то время сотрудничества с СССР. После того, как Дэн Сяо-пин прочитал их советы и предложения, он вызвал авторов этих советов и сказал, что всё, что они написали, нужно выбросить в мусорную корзину, что СССР – наш сосед и никуда от нас не денется, и мы от него – тоже, и что надо искать пути налаживания сотрудничества. Дал задание разрабатывать условия, какие Китай должен выставить со своей стороны и, главным образом, претензии и предложения, которые советская сторона должна выполнить для начала переговоров. Документов, подтверждающих эту реакцию Дэн Сяо-пина, у меня нет. Это устные сведения, за достоверность которых не ручаюсь.

АВ: Как и когда началось ваше сотрудничество с ИДВ?

АК: Помню участие в выполнении одного из заданий ЦК КПСС более раннего периода. Из ЦК поступило задание ИДВ АН СССР и ИМЛу посмотреть внимательно V том Избранных произведений Мао Цзэ-дуна, вышедший в 1977 г., и обратить внимание, почему именно сейчас его издали, и что кроется под всем этим. Я вам скажу, что это немаленькое задание! Книгу нам прислал директор ИДВ *М.И. Сладковский*⁴⁹. Короче говоря, группу ИДВ по выполнению этого задания

---

⁴⁸ *Капица Михаил Степанович* (1921–1995). Учёный и дипломат. Д.и.н. (1958), профессор (1960), членкор АН СССР (1987). Сотрудник МИД СССР (с 1943). Чрезвычайный и полномочный посол СССР (1960). Директор ИВ АН СССР (РАН) (1987–1994).

⁴⁹ *Сладковский Михаил Иосифович* (1906–1985). Китаевед, д.э.н. (1958). Членкор АН СССР (1972). Окончил востфак ДВГУ (1930). Директор ИДВ АН СССР (1967–1985). Исследовал историю экономических отношений в Китае.

возглавлял очень квалифицированный китаевед *Виталий Фёдорович Феокистов*⁵⁰. А я, естественно, работала одна. Ознакомилась с первого раза – так, по диагонали, время у нас было. Затем прочитала всю эту книгу, и мне потребовался высшей квалификации переводчик, так как встречались некоторые абзацы, которые можно было толковать неоднозначно, а нужно было в точности перевести. Директор ИМЛ обратился к руководству ИДВ прислать нам переводчика, отлично знающего китайский. Прислали *Никольского*⁵¹. Он прямо с листа стал переводить. Я сказала ему, что это очень хорошо, но меня интересует несколько абзацев, которые нужно абсолютно точно перевести, чтобы не было никаких сомнений. Он сказал: «Ну, ерунда, давайте». Он очень помог мне в этом смысле. Время от времени в ИМЛ приезжал Феокистов. Мы обменивались мнениями, но пока ещё ни в ИДВ, ни у меня не было определённого ответа на поставленные вопросы.

Пришло время, пора подводить итоги. Думаю, мы месяца полтора работали. Приезжает Феокистов и говорит, что в общем они завершают работу. Я изложила ему свои выводы. Мы обменялись мнениями и пришли к единому итогу, что неслучайно эта книга именно в то время вышла. В V том вошли работы с 1931 по 1957 гг. То есть, не исключено, что этим самым они хотели отделить Мао Цзэдуна от «культурной революции». Феокистов подтвердил, что они в ИДВ пришли к тому же выводу, что и я. Я поинтересовалась, что ещё они выявили. Он сказал, что остальное – мелочи, каждый из сотрудников их группы что-то заметил, всё это в выводы ИДВ не может войти. «Давайте мы сейчас с вами сядем и дадим окончательный текст заключения». Мы с Виталием Фёдоровичем просидели очень долго и, на радостях, что закончили работу, он спел две-три арии из опер. Оказалось, у него хорошо поставлен голос оперного певца. Он оставил в своё время музыкальное училище, потому что увлекся китайской философией. Потом, со

---

⁵⁰ *Феокистов Виталий Фёдорович* (1930–2005). Китаевед, учёный, дипломат, переводчик. К.филос.н. (1972). Окончил МИВ (1954). Работал в КНР (1954–1958, 1971–1972). Сотрудник ИДВ РАН (1968–2005). Исследователь классической китайской философии.

⁵¹ *Никольский Михаил Михайлович* (1929–1981). Китаевед, к.э.н. (1959). Окончил МИВ (1953). Сотрудник Института китаеведения (1961–1963), ИДВ АН СССР (1967–1981).

временем его затянули и другие проблемы Китая. Китай ведь всегда затягивает исследователя до бесконечности. Это была одна из совместных работ с ИДВ.

АВ: Вы сказали, что сидели в ресторане рядом с М.С. Капицей. Вы со многими китаистами пересекались по роду своей работы? Где вы познакомились с Капицей?

АК: С Капицей? Мы как-то часто с ним встречались. Пересекались и в ИДВ, где проходили те или иные мероприятия, на которых он присутствовал. Кроме того, Капица сыграл большую роль в моей научной жизни. Мои «друзья» решили при моей защите докторской диссертации сорвать кворум и не явились на заседание Учёного совета.

АВ: Где была защита?

АК: В ИДВ в январе 1981 г. Прихожу я, конечно, уже волнуясь, подходит время, а для кворума Учёного совета не хватает одного голоса. Тут как раз пришёл Андрей Денисович Дубровский, он в то время работал в МИДе. Я ему сказала, что может сорваться защита. Для кворума нужен ещё хотя бы один человек. «Капица годится?» – спросил Андрей. Мы с Дубровским пришли в кабинет учёного секретаря ИДВ, я попросила разрешить нам позвонить по телефону. Он любезно сразу вышел. Я тоже вышла. Андрей остался один. Выходит и говорит: «Капица выезжает». Вы знаете, буквально, наверное, через 8-10 минут Капица появился, кворум состоялся, и началось заседание Учёного совета. М.С. Капица также был причастен к разрешению дальнейших трудностей, с которыми я встретила после защиты диссертации. С китаеоведами я держала известную связь, потому что приходила на научные конференции в ИДВ АН СССР. Меня всегда приглашали на конференции, присылали информационные бюллетени ИДВ. Связь была и я знала, чем занимаются историки института. Со многими была знакома.

АВ: После защиты диссертации изменилась как-то ваша работа, какие-то задания вам давали?

АК: Вы знаете, мне давали задания не потому, что я защитилась. В частности, директор ИМЛ Егоров однажды на заседании дирекции сказал: «Картунова окончила АОН, выполнит и это задание». Вот из такого понимания руководство института исходило и в дальнейшем.

АВ: Это было ещё в 1960-е годы?

АК: Нет, это было гораздо позже. До А.Г. Егорова директорами института были последовательно, начиная с 1960 г., когда я уже работала: Г.Д. Обичкин, П.Н. Поспелов, П.Н. Федосеев. После Федосеева пришёл А.Г. Егоров, который был директором где-то до середины 1980-х годов. На смену ему пришёл Л.А. Смирнов, философ. Запомнился он тем, что, когда в ИМЛ начались открытые дискуссии и, в частности, по вопросам истории КПСС, в которых могли участвовать кто угодно со стороны, он созвал всех научных сотрудников ИМЛ и сообщил, что в Институте будет идти дискуссия по вопросам истории КПСС. «Если кто из вас своим оппонентам будет приклеивать ярлыки, – заявил он, – буду выгонять из института!». Дискуссия проходила в высшей степени бурно и остро, были и совершенно разнуданные выступления, ничего общего с наукой не имевшие.

Теперь к вопросу о том, что изменилось, какие задания мне давали. Однажды пришлось задание дать отзыв на книгу академика Жукова Евгения Михайловича. Он был завкафедрой истории коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения в АОН при ЦК КПСС, и я поэтому его хорошо знала, когда была аспирантом. Е.М. Жуков – один из крупнейших русских историков. Он являлся главным редактором 10-томной Всемирной истории, вышедшей в свет в 1950–1960-х гг. Вот на дирекции стали обсуждать, кто может дать отзыв на книгу Е.М. Жукова. Она называлась «Очерки методологии истории». Но, по существу, в ней часто речь шла, пожалуй, о философии истории. Говорили-говорили на дирекции, потом, как рассказал мне А.Д. Педосов, решили, что нет человека в институте, кто мог бы написать отзыв на эту книгу. А научных сотрудников – более трёхсот! Тогда Егоров и принял решение: Картунова окончила АОН – напишет: «Так и скажите Анастасии Ивановне, что это моё задание». Работа по подготовке отзыва на эту книгу шла трудно. Две недели я вообще не спала, потому что не могла уснуть, наверное, из-за ощущения большой ответственности, так как с такими проблемами встречалась впервые. В общем, отзыв написала. Отзыв – фактически рекомендация к награде Академии наук, какой именно, я теперь не помню, и ИМЛ должен был представить автора книги к этой награде. Я пришла к директору и

сказала: «Вот, пожалуйста, это всё, что я могу, больше ничего не могу». Егоров попросил меня побыть на рабочем месте, пока он прочитает проект отзыва. Часа через 3-4, уже к концу рабочего дня, он пригласил меня и так оценил мой труд: «Ну что ж, неплохо, по-моему годится», – и добавил: «Всё, что вы написали, всё хорошо. Мы отошлём».

В заключение, что сказать о работе в ИМЛ? Конечно, у меня много времени занимала работа не по Китаю, но ещё раз повторю, что я никогда не прерывала своих исследований по китайской проблематике.

АВ: Вы говорите, что начались дискуссии, многие выступали в ИМЛе, что когда только пришли в институт по окончании АОН, атмосфера была совсем иной. Какие шли процессы в коллективе института? В чём причины? Было ли это б отражением процессов, шедших в ЦК? Можно ли рассказать о последнем периоде в ИМЛе, в конце 1980-х гг.?

АК: Это было отражением положения в партии, в обществе, в нашей стране, потому что институт был связан, всё-таки, с народом, и все процессы, которые проходили в СССР, особенно в Москве, находили отражение и в институте. Вот вам пример. Одно время институт был вынужден перейти на контроль прихода сотрудников на работу. Пришли «молодцы», особенно в Отдел произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, дисциплина стала разбалтываться и дирекция приняла решение, чтобы на проходной записывали опаздывающих. Приходит один из опоздавших и на вопрос дежурного в проходной: «Как ваша фамилия?» – наглец с издевкой ответил: «Бронштейн, друг Маркса и Энгельса».

АВ: Как они могли попасть на работу в такой институт, раньше всё-таки рекомендации были необходимы?

АК: В том-то и дело, что в то время, о котором идёт речь, этого уже не было. Я уже говорила об этом. Завотделом произведений К. Маркса и Ф. Энгельса А.И. Малыш сетовал, что пришёл молодой сотрудник, работает плохо, часто опаздывает на работу. Когда он спросил «Бронштейна», почему тот так плохо работает, в ответ услышал: «Сколько платите, столько и работаю». Это был наглый вызов. Такого в ИМЛ раньше просто и представить себе было невозможно. Кстати, о размере

зарплаты. Этот наглец знал, что она обычная для институтов, но почему-то рвался попасть в штат ИМЛ. Приведённый пример является показателем негативных процессов в институте.

АВ: Какой это был год примерно?

АК: Такие стали приходиться уже примерно с середины 1960-х годов.

АВ: Неужели насколько изменились требования к подбору кадров?

АК: Всё стало по-другому. Мне просто жаль было ветеранов ИМЛ. С конца 1960-х гг. в ИМЛ начались дискуссии по разным проблемам и разного характера. Так, при подготовке 1-го издания однотомной Истории Великой Отечественной войны, руководителем авторского коллектива которого являлся генерал Миносян, участник ВОВ, во время дискуссии летели «пух и перья». Некоторые генералы бросали партбилеты на стол в знак протеста против того, как освещалась в рукописи та или иная военная операция. Они сами принимали участие в таких операциях и требовали достоверного, точного освещения событий на фронтах. В результате пригласили принять участие в дискуссии крупнейших специалистов по военной истории, высокого ранга командующих крупными группировками, обращались даже за консультацией к одному ещё живому командующему фронтом. С трудом генералу Миносяну удалось довести книгу до издания. Но эта дискуссия шла, как говорится, по делу. 2-е и 3-е издание вышли уже исправленными и дополненными. Все три издания – под грифом ИМЛ при ЦК КПСС. Дискуссии время от времени шли в разных отделах. В дискуссии в Отделе научного коммунизма, я на ней не присутствовала, но сотрудники этого отдела рассказывали, уже раздавались голоса за пересмотр фактически основ научного коммунизма как науки, что в то время для большинства участников дискуссии было просто ошеломляющим.

АВ: Когда шли эти дискуссии, в 1970–1980-е? Во 2-й половине 1980-х гг. всё это уже стало распространённым?

АК: Со 2-й половины 1960-х гг. они начались. Дискуссии по разным вопросам проходили в разных секторах и отделах и в 1970-х, и в 1980-х гг.

АВ: Это были исключительно теоретические, научные дискуссии? Или там был политический подтекст?

АК: В том-то и дело, что политический подтекст фактически появился уже с середины 1960-х гг., но ещё не в открытой форме.

АВ: Когда и как вы ушли из ИМЛ?

АК: В 1989 г., когда мне исполнилось 65 лет, состоялось решение о моей пенсии всесоюзного значения. Но, по правилам, если такой пенсионер может работать, то ему разрешалось продолжать работу при другой зарплате. Я продолжила работать, потому что не могла быть в отрыве от работы по Китаю. В 1992 г. ИМЛ был закрыт. Мне было 68 лет. Передо мною встал вопрос, где бы я могла применить накопленный научный потенциал по проблемам Китая и быть полезной. Но, как оказалось, решить этот вопрос в то время было непросто.

АВ: Когда и как вы начали работать в ИДВ РАН?

АК: После ликвидации ИМЛ я оказалась без работы. Месяца через 2 пошла в ИДВ РАН к директору, *М.Л. Титаренко*⁵². Институт находился в тяжелейшем положении. Михаил Леонтьевич принял меня. Состоялась обстоятельная беседа о возможности работы в институте, но свободной ставки не было. Он предложил зайти дня через два. Когда я явилась, предложил временно поработать в небольшой группе ООН «Эгида», в составе ИДВ РАН, которую курировал замдиректора И.А. Высоковский. Нас там было человек пять, работоспособных пенсионеров, квалифицированных китаеведов или переводчиков, в том числе А.Д. Дубровский. Так как Высоковский не перегружал нас работой, это были в основном эпизодические задания, я начала работать над монографией «Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.)». Материала для разработки этой темы у меня было накоплено более чем достаточно. Для меня как китаеведа важно было, что я теперь работаю в китаеведческой среде, где сосредоточена группа высококвалифицированных историков Китая, с которыми я давно знакома, но, работая в ИМЛ, встречалась лишь эпизодически, на научных конференциях. Теперь открылась возможность

---

⁵² *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат государственной премии РФ (2011).

обсуждать волновавшие всех нас, китаеведов-историков, вопросы, а также быть в курсе того, чем занимается Отдел новейшей истории Китая.

В 1994 г. я была зачислена в штат ИДВ РАН в качестве старшего научного сотрудника на полставки, позже утверждена на должность ведущего, а затем, в 2007 г., – главного научного сотрудника в Отдел новейшей истории Китая.

Хотелось бы кратко сказать о самом институте. Прежде всего, о вкладе директора ИДВ – академика М.Л. Титаренко в сохранение и развитие института. Первое: в тяжелейших условиях ельцинского десятилетия, благодаря невероятным усилиям Михаила Леонтьевича, а всё это происходило на наших глазах, удалось буквально вытащить институт из «ямы» и не только сохранить основные кадры, особенно учёных китаеведов, но в дальнейшем и расширить структуру института. Это была битва рыцаря науки с её разрушителями. Второе: удалось воспитать коллектив научных сотрудников, работающий ритмично, без сбоев, несмотря на новые трудности, связанные с «реорганизацией РАН». Третье: за последние 20 лет институт подготовил и издал многотомные труды, прежде всего такой, как 6-томная энциклопедия «Духовная культура Китая», аналога которой нет даже в Китае, и которая удостоена Государственной премии в 2010 г. Главным редактором этого уникального издания является М.Л. Титаренко. Институт подготовил и издал многотомные и однотомные сборники ценных документов и материалов. Это 5-томный (в 8 книгах) сборник документов под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай», созданный на базе документов РЦХИДНИ (ныне – РГАСПИ) и в сотрудничестве с Восточноазиатским семинаром Свободного университета Берлина. Все подготовленные и изданные сборники документов расширили источниковую базу историков.

В то время, когда я начинала работать в ИДВ, в Отделе новейшей истории уже был подготовлен и вышел в свет том I сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Коллектив отдела уже приступил к подготовке к изданию тома II (в двух книгах) той же серии. Параллельно работали их коллеги и в Берлине.

*А.М. Григорьев*⁵³, в то время зав. этого отдела, не изъявил желания подключить меня к этой работе, объясняя это тем, что у них уже сложился коллектив и включать в него нового сотрудника нет необходимости. Как позже мне рассказали, действительная причина была в другом. Тем не менее, я передала в редакцию этого издания ряд документов, о которых подготовители даже не слышали, в том числе особенно касающиеся подготовки и проведения вооруженного восстания в Гуанчжоу в декабре 1927 г., известного как Кантонская коммуна. Таким образом я работала в отделе по индивидуальному плану, что меня вполне устраивало. В 2000 г., при финансовой поддержке РООН «Эгида», в издании ИДВ РАН вышла моя монография «Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект. 1923 – июль 1927 г.». Тираж небольшой – 200 экз. Книга разошлась буквально за 10 дней, а спрос продолжался. Несмотря на трудное финансовое положение руководство ИДВ изыскало средства на второе издание этой книги. И оно вышло в 2001 г. как исправленное и расширенное.

В 2003 г., при поддержке Правления российско-китайского центра торгово-экономического сотрудничества, вышла книга «В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника», в которой составителем, ответственным редактором, автором введения и примечаний являюсь я. Хотела бы поблагодарить И.А. Тулину, которая осуществила компьютерный набор, написала ряд примечаний, составила указатель имён и провела большую научно-техническую работу по подготовке книги к изданию. Это большая книга документов в 559 с. с тиражом в 1000 экз. В Гуанчжоу она переведена на китайский, и мы ожидаем её выхода в свет там. Китайские историки считают, что в документах В.К. Блюхера наиболее точно отражены события на Юге Китая и в Китае в 20-х гг. XX в., даны наиболее квалифицированные оценки событий, участником которых он являлся, и точные характеристики военно-политических деятелей Юга Китая, участвовавших в национально-революционном движении в Китае тех лет.

---

⁵³ *Григорьев Александр Миронович* (1933–2015). Китаевед-историк. Окончил истфак МГУ (1956). Д.и.н. (1977), профессор (1987). Сотрудник Института китаеведения (1957–1958), Института народов Азии (ныне ИВ РАН) (1962–1964), ИДВ РАН. Главред журнала «Проблемы Дальнего Востока» (1993–2004).

АВ: Как складывались ваши отношения с сотрудниками на новом месте работы?

АК: Я постоянно общалась с подготовителями серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай». *В.И. Глунин*⁵⁴ к началу 2000-х гг. чувствовал себя неважно и время от времени обращался ко мне за помощью при подготовке им примечаний к одному из этих томов. Я простила ему совершенно неприглядную роль, которую он сыграл после обсуждения моей докторской диссертации в руководимом им в то время Отделе новейшей истории. Обсуждение как обсуждение. Каких-либо серьёзных замечаний по содержанию и выводам диссертанта не было. Оно завершилось решением рекомендовать диссертацию к защите и пожеланием учесть замечания. Но главным было моральное падение в моих глазах Глунина, который представил в Учёный совет заключение, вписав в него то, о чём вообще не шла речь при обсуждении. Я это заключение не видела, но при защите диссертации, как это положено, учёный секретарь зачитал его вслух. Дискутировать мне было не с кем. Когда я подошла к лифту, идя на Учёный совет на защиту своей диссертации, Глунин вышел из лифта и на заседание не явился, наверно, понимая, что его фальсификация будет опровергнута. Защита прошла вполне благополучно. Но на этом мои «друзья» не остановились. Мне крайне неприятно говорить о деталях действий группы уважаемых историков, их было трое. После того, как диссертация была направлена в ВАК, они решили организовать затяжку внешнего отзыва для ВАКа. И в этом преуспели. Один из них, доктор исторических наук, профессор ИССА *М.Ф. Юрьев*⁵⁵, продержал мою диссертацию полгода и, по требованию сотрудника ВАКа вернул её в ВАК, но без отзыва, сославшись на большую занятость, а «диссертация – большая по объёму и серьёзная», аргументировал он. Затем, как мне рассказывали много позже, организаторы этой «акции» обратились к

---

⁵⁴ *Глунин Владимир Иванович* (1924–2004). Китаевед, д.и.н. (1977). Окончил МИВ (1951). Преподавал в МИВ (1952–1954). Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1964), ИДВ АН СССР (с 1966). Изучал новейшую историю Китая.

⁵⁵ *Юрьев Михаил Филиппович* (1918–1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ (1941). Ветеран советско-финской войны (1939–1940) и Великой Отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956–1990). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967).

Л.П. Делюсину⁵⁶ с предложением взять на себя такую же миссию. С Делюсиным мы были знакомы в основном по научным конференциям в ИВАНе. Но когда я была аспирантом АОН при ЦК КПСС Лев Петрович был прикреплен к АОН на один год для написания диссертации. И мы, три китаеведа – Н.К. Чеканов, Л.П. Делюсин и я, время от времени встречались в АОН и подолгу обсуждали текущие проблемы Китая и особенно болезненные, почти отсутствовавшие и в то время, казалось, безнадежные советско-китайские отношения. Так вот, Делюсин уклонился от этого предложения и рекомендовал обратиться к *Крымову (Го Шао-тан)*⁵⁷, который находился в то время в больнице и «из-за болезни» не смог дать отзыв на диссертацию, продержав её примерно столько же. В результате, я получила диплом доктора исторических наук через 14 месяцев после защиты диссертации. В моём представлении Го Шао-тан, безусловно, – человек честный. Видимо, после выполненного «пожелания» также затянуть отзыв старался при встречах на научных конференциях не смотреть мне в глаза. Обо всех действиях уважаемых историков узнала много лет спустя. И сейчас рассказала вам из желания, чтобы в научных кругах китаеведов России не было впредь чего-либо подобного.

А через 20 лет после всех этих неприятных для меня событий мне рассказали, что очень авторитетный учёный-китаевед, узнав о позиции В.И. Глунина, предложил ему организовать открытое обсуждение моей диссертации с приглашением историков-китаеведов из других научных центров Москвы. Но Владимир Иванович как будто тихо ушёл от такого предложения. О чём они

---

⁵⁶ Делюсин Лев Петрович (1923–2013). Китаевед, д.и.н. (1971), завотделом Китая ИВ АН СССР (1967–1990). Участник Великой Отечественной войны (1942–1944). Спецкор газеты «Правда» в КНР (1950–1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959–1965). См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014. Том I. С. 116–165.

⁵⁷ Крымов Афанасий Гаврилович (Го Шао-тан, 郭肇堂, 1905–1988). Китаевед, революционер, политэмигрант. Профессор (1961), д.и.н. (1962). Учился в Москве, в КУТВ. С 1928 г. преподавал в КУТК, КУТВ и др. вузах Москвы. Сотрудник Международного Аграрного института (1930–1932). В 1934 г. окончил ИКП, стал кандидатом наук (без защиты). Работал в ИККИ политсекретарём Г. Димитрова. Репрессирован, арестован в 1938 г., осуждён в 1939 г. на 15 лет. Пребывал в заключении до 1953 г., затем в ссылке до 1954 г. В 1954 г. приговор 1939 г. отменён «за недостаточностью улик». В 1956 г. дело пересмотрено и повторно прекращено «за отсутствием состава преступления». Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1988).

говорили ещё, я не знаю. Но я признательна этому человеку, к которому испытываю уважение всегда, а теперь и глубокую благодарность за его «вмешательство» и поддержку.

А в то время, о котором идет речь, я приносила Глунину, уже больному и пожилому, в письменном виде примечания, о которых он просил. На его вопрос: «Где вы все это нашли?» – я ему с намёком однажды ответила: «Нужно внимательно читать мои статьи и диссертации».

Работа шла своим чередом. Я собирала документы для задуманной книги документов «Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае в 1923–1926 годах», выполняла неоднократно задания директора, встречалась с китайскими коллегами, которые приезжали в Москву и заходили ко мне обсудить какие-либо вопросы по истории КПК, спрашивали, где можно найти по таким-то и другим вопросам документы в московских архивах и пр., участвовала в научных конференциях, давала интервью корреспондентам китайских газет, теле-радиокомпаний и др.

В 2003 г., когда вышел том IV документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», Глунина уже не было в живых, вышел из строя А.М. Григорьев, его болезнь усугублялась. *К.В. Шевелёв*⁵⁸ трагически погиб. Отмечу, что эти трое проделали большую работу по подготовке к изданию 4-х томов в 7 книгах этой серии. А время шло. М.Л. Титаренко не мог допустить, чтобы издание осталось незавершённым. Эта серия документов готовилась к изданию по его инициативе, он же являлся его руководителем с российской стороны и постоянно участвовал в подготовке всех томов. Благодаря его же усилиям эти документы не «уплыли» из РГАСПИ за рубеж. Где-то в конце 2004 – начале 2005 г. он пригласил меня зайти к себе. Речь шла о необходимости издания заключительного V тома. Директор попросил меня, а, вернее, решительно предложил отложить всякую другую работу и заниматься только подготовкой к изданию этого тома. Михаил Леонтьевич дал мне карт-бланш на привлечение специалистов, которых сочту нужным подключить к этой работе.

---

⁵⁸ *Шевелёв Константин Васильевич* (1947–2003). Китаевед, к.и.н. (1974). Окончил востфак ЛГУ (1971). Научный сотрудник ИДВ РАН (1971–2003).

Но специалистов не было. Григорьев уже не мог активно работать, но была договоренность о том, что мы с ним отберём из уже имевшихся ксерокопий документов для V тома те, которые будем публиковать. Кроме того он должен был, по договоренности с директором ещё до этого, написать предисловие к тому. Но теперь отказался и предложил вариант, чтобы я написала предисловие, а он потом сделал бы вставки. Из целой горы документов на столе, после ознакомления с ними, мы отобрали наиболее значимые, отказавшись от прежних планов подготовки тома в двух книгах. Вот наш маленький коллектив из 4 человек, который должен был справиться с поставленной задачей: Н.И. Мельникова – ответственный секретарь; И.Н. Сотникова – на её ответственности составление аннотированного указателя имён (обе они выполняли ту же роль во всех предыдущих томах и имели солидный опыт работы); Е.К. Староверова – ст. лаборант-исследователь (она набрала на компьютере тексты всех предыдущих томов и знала особенности текстов и их оформления, набирала тексты практически без ошибок), и, наконец, Картунова – ответственный редактор тома, автор совместного с М.Л. Титаренко предисловия к тому. За отсутствием специалистов я взяла на себя подготовку к печати и документов с августа 1937 по 1939 г., это 380 стр. книжного текста, а также библиографию. Не стану перечислять других моих обязанностей. К составлению аннотированного указателя имён, в помощь И.Н. Сотниковой, мы привлекли В.Н. Щечилину из РГАСПИ, В.И. Антонова из ИДВ РАН и *А.Н. Хохлова*⁵⁹ из ИВ РАН.

Работа шла слаженно, иногда с полезными дискуссиями. Эта наша маленькая команда справилась с возложенной на неё задачей. В 2007 г. том V вышел в свет. А в 2008 г. мы поехали в Пекин, в *Чжунгун чжунъян янцзю дан ши ши* – Кабинет ЦК КПК по изучению истории партии, который мы называем Институтом партии ЦК КПК. 1-й исследовательский отдел этого института переводил на китайский все тома документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Мы привезли этому отделу V том и ксерокопии всех вошедших в него документов.

---

⁵⁹ *Хохлов Александр Николаевич* (1929–2015). Китаевед, к.и.н. (1972). Окончил МИВ (1951). Переводчик в КНР (1951–1953). Сотрудник Института Китаеведения АН СССР (1957–1961), ИВ АН СССР (с 1961). Специалист по истории русско-китайских отношений.

АВ: Как приняли вас китайские коллеги?

АК: Вечером в день нашего прибытия «делегация» этого отдела явилась в гостиницу и попросила меня выступить с сообщением об основных проблемах, содержащихся в документах, вошедших в V том, и моих оценках. Сообщение на китайский переводил профессор Ма Гуй-фань, не только историк КПК, но и блестящий знаток русского языка. Затем, в течение двух с половиной часов, я отвечала на вопросы научных сотрудников 1-го исследовательского отдела, историков КПК высокой квалификации. Нам было о чём поговорить. Ведь этот том включает не публиковавшиеся секретные архивные документы о разработке Коминтерном, совместно с представителями КПК, вопросов о создании и функционировании единого национального антияпонского фронта, на основе сотрудничества КПК и Гоминьдана, и о тактике КПК в едином фронте на всех этапах войны, вплоть до роспуска Коминтерна 22 мая 1943 г.

С коллективом учёных историков КПК 1-го исследовательского отдела тесно взаимодействовали все участники из ИДВ РАН, готовившие к изданию упомянутый 5-томник документов. Это полезное сотрудничество продолжалось с середины 1990-х гг. по 2008 г., и все мы были хорошо знакомы. Помню всех китайских коллег, с кем так или иначе случалось сотрудничать. Это профессор Хуан Сю-жун, заведующий 1-го отдела, наиболее авторитетный специалист по истории КПК и отношений партии с Коминтерном. В 2008 г. он уже был на пенсии. Профессор Сун Хун-сюнь – философ, историк, бывший главный редактор журнала *Чжэсюэ* («Философия»), интеллектуал, один из главных переводчиков на китайский всех 5 томов документов. Мы с ним знакомы ещё с 1988 г., когда я находилась в Пекине на стажировке в *Жэньминь дасюэ*. Уже упоминавшийся профессор Ма Гуй-фань, вместе с Сун Хун-сюнем внёсший большой вклад в перевод на китайский 5-томника. Обаятельная Чэнь Си, в то время зам. главного редактора журнала *Байнянь чао*, заместитель Отдела комплектования материалов по истории КПК. Профессор Ли Жун, дотошная, энергичная и результативная в работе исследовательница архивных документов по темам её исследований, имеющих в Москве в фондах РГАСПИ. Чэнь Хэ, которая занималась отслеживанием

публикаций по Китаю в России, была переводчицей и всегда общалась со всеми нами. Интересный историк Ван Дэ-цзин. Сравнительно меньше я знакома с Чжан Ян-чжун, специальным научным сотрудником этого института, но хорошо её помню, помню и многих других китайских коллег. Руководство этого института поощряло консультации с историками ИДВ РАН по переводам на китайский указанных томов. Под руководством Сун Ин-на, директора Кабинета ЦК КПК по изучению истории партии, в середине 1990-х – первом десятилетии 2000-х годов успешно прошли 3 международных конференции с участием историков ИДВ РАН, фактически по новым документам и материалам первых трёх томов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», уже вышедших тогда в переводе на китайский. Большой вклад в сотрудничество историков двух институтов по тем же вопросам внёс в то время замдиректора профессор Гу Ань-линь. Я помню его не только как историка КПК и замдиректора, но и как талантливого поэта и деятеля культуры. У меня остались приятные воспоминания о научных контактах и беседах не только с упомянутыми, но и другими коллегами.

АВ: После выхода V тома вы переключились на другую работу?

АК: Да. 2008 г. вышел сборник документов «Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: август 1923 г. – 1926 г.». Составитель, ответственный редактор-подготовитель, автор предисловия – д.и.н. А.И. Картунова. Главный редактор – академик М.Л. Титаренко. Издание – уникальное. Для любознательного историка советско-китайских отношений и революционного процесса в Китае 20-х гг. XX в. – это неожиданный, интереснейший и ценный источник.

В 2010–2011 гг. (по памяти) заведующим Центра новейшей истории был *В.Н. Усов*⁶⁰. Кстати, он не раз советовал мне написать воспоминания. В 2010 г. я написала большую статью о формировании Компартией Китая в 1921–1925 гг. концепции революции и выступила с докладом на эту тему на 1-й Всероссийской

---

⁶⁰ *Усов Виктор Николаевич* (1943 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1998). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Окончил ИВЯ при МГУ (1967). Стажёр Пекинского института иностранных языков (1966, 1986). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967).

научной конференции, организованной отделом. Время от времени выполняла задания директора. Где-то в конце 2011 г. или начале 2012 г. произошла реорганизация отдела. На базе его кадрового состава, в результате реорганизации, создано 2 центра. Центр новейшей истории возглавила *Н.Л. Мамаева*⁶¹. По некоторым причинам я решила перейти в другой новый центр, а именно в Центр политических исследований и прогнозов, которым вы руководите, и в котором я работаю до настоящего времени.

АВ: Какие из ваших работ привлекли наибольший интерес специалистов?

АК: С 1966 г. я начала публиковать статьи, вводя в научный оборот архивные документы и материалы. В 1970 г. вышла в свет моя первая книга «В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы» (2-е изд., дополн. 1979), привлекающая к себе внимание не только отечественных историков, но и зарубежных. На неё были опубликованы несколько рецензий как в отечественных журналах, так и в зарубежных, например, в «*The China Quarterly*» (*An International journal for the study of China*. N-Y, July-September 1972, №51). В Пекине эта книга вышла в переводе на китайский в 1983 г. Ряд моих статей и документов опубликованы в переводе на китайский, английский, японский, испанский, итальянский, французский, венгерский. Это только то, о чем мне известно.

Как обычно отмечают рецензенты моих трудов, отличительной их чертой являются введение в научный оборот широкого круга источников и, прежде всего, ценнейших архивных документов, а также новые подходы в оценке некоторых исторических событий в революционном процессе в Китае 1920–1930-х гг. Рецензенты видят в этом мой вклад в отечественное китаеведение. Приведу один пример. В течение 70 лет историки не знали, что это за загадочная личность – Никольский, один из 15 участников I-го учредительного съезда КПК. И мне приятно, что газета *Жэньминь жибао* (29.09.2007) писала о длительном поиске «известного российского китаевода из ИДВ РАН Картуновой» данных о

---

⁶¹ *Мамаева Наталья Леонидовна* (1945 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1993). Окончила истфак МГУ (1968). Главный научный сотрудник ИДВ РАН (1995), руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией.

Никольском, и что «в 2006 г. она опубликовала в “Проблемах Дальнего Востока” №4 данные о нём». Им оказался В.А. Нейман – Никольский. Благодаря этой публикации стал известен весь его послужной список и жизненный путь. В Китае эту статью вскоре перевели на китайский, «завеса» тайны была снята.

Если говорить о круге моих научных интересов и моих синологических и востоковедческих исследованиях, то это: история КПК до провозглашения КНР, стратегия и тактика Коминтерна и СССР в освободительном и национально-революционном движении угнетённых народов стран Востока, особенно в национальной революции 1925–1927 гг. в Китае на разных её этапах; политика КПК в рабочем вопросе в 1921–1927 гг., особенно накануне и в период национальной революции 1925–1927 гг.; Сунь Ят-сен и советские советники в Китае, особенно наиболее полно о деятельности В.К. Блюхера в 1924–1927 гг.; роль РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна в установлении сотрудничества Гоминьдана и КПК и создании на этой базе единого национального антиимпериалистического фронта в январе 1924 г.; тактика ВКП(б) и Коминтерна в Китае в 1920-х гг. и в период антияпонской войны 1937–1945 гг. Неоднократно обращалась к анализу дискуссии на китайской комиссии VII пленума ИККИ (декабрь 1926 г.) и принятой им резолюции о положении в Китае. Новая для меня тема – китайская политика СССР: роль прогнозирования; причины поражения революции 1925–1927 гг. Считаю важной частью моей китаеведческой работы подготовку к печати уже упоминавшихся двух больших сборников документов: «В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника» и «Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: 1923 – август 1926 г.». К такого же характера работе относится и том V серии сборников документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай».

АВ: Какими качествами должен обладать китаевед для успешной работы в этой области? Что хочется пожелать молодым коллегам?

АК: Прежде всего, нужно ещё в институте, не жалея сил, уделять максимальное внимание овладению китайским языком и хотя бы одним из европейских, преимущественно английским.

Китайская проблематика полностью втягивает исследователя в интереснейшие «дебри» 5000-летней истории Китая, древней и разных эпох философии, современной экономики, политики, культуры и других направлений, в зависимости от выбора. Не меньший, а, может быть, и больший интерес исследователи проявляют к избранному Китаем собственному пути развития, на котором за последние 30 лет страна добилась выдающихся успехов, особенно в экономике, став второй в мире по ВВП великой державой. Особый интерес вызывает у китаеведов достойный анализа опыт КПК по разработке методов разрешения проблем, постоянно возникающих в процессе развития этой огромной страны.

Как китаевед-историк рекомендую молодым коллегам постоянно уделять время работе в архивах, изучать документы и материалы – ценнейший источник для исследователя, позволяющий воссоздать более реальную картину исторических событий, их причин, дать более приближенную к действительности оценку роли государственных деятелей, политических партий и политических лидеров.

5,4 а.л.